



*Сеткаяя  
сеткаяя*

Наталия Романова

Небольшая авантюра, закончившаяся большой любовью.

---

---



# Глава 1

Карета скорой помощи неслась над оживлённым летним городом, вечер был похож на день — суетой, людьми и шумом.

Ложкина кинула взгляд на систему и придержала нервно дёргающуюся руку пациента. Мужчина тридцати лет, который, впрочем, выглядел на все сорок, с сияющей синей половиной лица, один глаз был заплывший, другим он расфокусированно водил по металлическим стенам, иногда задерживался на лице девушки, и тогда из его рта раздавалось нечленораздельное мычание.

— Погодь умирать, — уверенно сказала Ложкина, — вот доедем, в приёмнике и помирай.

Мужчина согласно моргнул взглядом, ещё раз дёрнул рукой, в итоге предприняв попытку встать и выдернуть намертво зафиксированный лейкопластырем катетер.

— Лежать, — грозно прикрикнула Ложкина, — как достал, а, — она уверенно зафиксировала свободную руку пациента и продолжила, — свяжу сейчас, понял?

Глаз неуверенно посмотрел в сторону Ложкиной в синей форме и закатился.

— Слышь, — она обратилась куда-то в сторону водительского сидения, — никто не напомнит мне, какого мы вообще с этим сбродом возимся?

— Ты клялась самому!

— Ах, да, б@@@, и это пока космические корабли бороздят просторы Вселенной.

Мужчина издал протяжный звук, смешавшийся с рывком Ложкиной, которая ловко удержала пациента, в то время как остатки рвотных масс с жутковатым и протяжным звуком потекли прямо на форменную куртку Ложкиной.

— Петрович, миленький, поторопись, а! — взмолилась Ложкина.

— Угу, — раздалось глухое со стороны водителя.

«В небесах, высоко, ярко солнце светит.

До чего хорошо жить на белом свете.

Если вдруг грянет гром в середине лета,

Неприятность эту мы переживём!»

Раздалось из кармана Ложкиной, которая с силой фиксировала лицо мужчины и его руку, в то время как молоденькая и, кажется, перепуганная практикантка всем телом навалилась на ноги.

«Я иду и пою обо всём хорошем

И улыбку свою я дарю прохожим.

Если в сердце своём не найду ответа.

Неприятность эту мы переживём!»

Продолжал напевать телефон, с каждым слогом всё громче и громче.

И так несколько раз, пока мужик, кажется, успокоенный словами песни, перестал брыкаться, и практикантка не вытасила смартфон и, проведя пальцем по поверхности, поднесла к уху Ложкиной.

— Ну, ты где? — раздалось на том конце, добродушное и даже где-то вкрадчивое и покровительственное.

— В дерьме, — коротко ответила Ложкина.

— На работе, ясно, — примирительно прозвучал голос.

— Иди-ка ты в жопу, — огрызнулась Ложкина.

— Заманчиво, Танечка, заманчиво, буду краток, ты помнишь, всё в силе?

— Ничего я не помню.

Скорая заехала за металлические ворота в центре города и проследовала к приёмному покою, практикантка отбила звонок, Ложкина сняла перчатки и направилась «сдавать клиента», который всё же был скорее жив, чем мёртв.

Перекинувшись парой «любезностей» с дежурным, она вышла на улицу и, подмигнув практикантке, направилась к машине.

— Ну, что, сдаёмся дезинфектору, согласно санпину, богу нашему, а пока сами-сами.

Утром Ложкина сидела за столом и заполняла формуляр за формуляром, расписывалась в журналах, тщательно фиксируя и соблюдая все знаки препинания, законодательства и инструкций.

— Как вы думаете, он выживет? — подняла взгляд практикантка.

— Кто?

— Нууууу... тот дедушка.

— Ты его довезла живым, вот об этом думай, смотри, — она показала на графу, — вот тут нужно обратить внимание на...

— Но всё же?

— Лена, не думай об этом, — поморщилась.

— Но это же наша работа. Мы работаем с жизнями людей!

— Наша работа — вот, — Ложкина тряхнула сероватыми бланками, — вот с этим мы работаем, и если тебе дорога твоя жизнь, учись.

Лена потупилась, Ложкина поджала губы.

— Нет, не выживет, дня через два он умрёт в реанимации, может ему даже станет лучше через сутки, но он всё равно умрёт. А женщина с кровотечением выживет точно, это хорошо, сколько там ребёнку? Полторы недели...

— Как же её выписали?

— Да так, рабочая ситуация, сплошь и рядом, скоро поймёшь...

— Но кааааак вы на врача того, в приёмнике орали.

— Разве?

— Ага! Мне показалось, он вас не любит...

— А нас все не любят, Леночка. Пациенты нас не любят, врачи в стационарах нас не любят, нас вообще не за что любить, — подмигнула, — привыкай. И давай, запоминай, а то отправишься одна и в первый же день сгинешь под этой кипой, — показала глазами на формуляры, — а потом ещё и погаными вилами говна не разгребёшь...

Выйдя утром на свежий воздух, вкушая запах остатка белой ночи, Татьяна потянулась и направилась к остановке маршрутки. Но, передумав, пошла пешком. Иногда, особенно, когда смена выпадала особенно «весёлая», Татьяна любила пройтись по городу, слиться с потоком горожан, пройти по широкому мосту через главную реку города и, остановившись, замерев, принюхаться к запаху Невы и выхлопных газов. Причём запах Невы был скорее неким мифом, погребённым под спудом мегаполиса, но Ложкиной нравился этот миф, как и северо-западный ветер, который, несмотря на летний месяц, пронизывал насквозь, до косточек.

«В небесах, высоко, ярко солнце светит.

До чего хорошо жить на белом свете.

Если вдруг грянет гром в середине лета,

Неприятность эту мы переживём!»

— Да, — ответила на звонок.

— Как отработала?

— Ай, как обычно.

— С праздничком.

— Спасибо, спасибо.

— Так что, у нас всё в силе?

— Что у нас в силе? — в голосе слышалось недоумение.

— Ложкина! Не говори, что ты забыла!

— Не говорю, но я забыла.

— Нет же.

— Да же.

— Мы договаривались, ещё зимой, вспомни... у Лёши на даче... — он специально останавливался, чтобы дать Ложкиной вспомнить, — летом, в день...

— А, чёрт, неее, прости, Шувалов, но сил нет.

— Тань...

— Лёнь.

— Ты разочаровываешь меня.

— Ой, да брось ты.

— Я, можно сказать, ради тебя приехал.

— Я, типа, польщена и всё такое, но спать я хочу больше, чем пить и сношаться.

— Господи, какая ты хамка, Ложкина.

— Я всего лишь честная.

— Танюша, я серьёзно, нам зимой не особо удалось пообщаться, давай хоть сейчас, а то когда ещё... я соскучился.

— Ты представляешь, где дача Лёши?

— Ага, я тут сейчас.

— А я только с работы вышла.

— Лови такси и к нам, к вечеру выспишься, будешь огурцом.

— Такси? — Ложкина аж взвизгнула.

— Без паники, подъедешь, я выйду, заплачу.

— Ты представляешь, сколько они возьмут?!

— Я богатый Буратино, давай, Ложкина, мы все хотим тебя видеть, не подводи коллектив.

— Ладно, — Ложкина уже стояла на обочине дороги и отчаянно махала рукой, ловя участника, посчитав, что он возьмёт дешевле.

Почти уснув на пассажирском сидении, иногда поглядывая и делая вид, что она понимает, куда её везут и, слушая навигатор, Татьяна подъехала к небольшой даче Лёши. Щитовой домик, едва ли не семидесятых годов постройки, выходил на почти ухоженный газон и пару клумб — следы ежегодных потуг жены Алексея украсить жилую территорию.

На асфальтированной дорожке уже стоял сам Лёнька.

Он же — Леопольд Аксольдович Шувалов.

Татьяна ухмыльнулась, даже в этой, более чем демократичной обстановке стареньких дачных участков вдоль дренажной канавы, одетый в с виду простые шорты и майку,

Леопольд выглядел едва ли не князем, случайно оказавшимся в этом месте, вальяжно, но благожелательно поглядывающим на окружение.

Он подошёл к пассажирской двери и открыл её, немного поклонившись Татьяне, рассчитал частника, судя по довольному лицу последнего, не поскупился на «чаевые», и, проводив глазами удаляющуюся машину, наконец, обратил свой взор на Ложкину.

Ложкина внутренне сжалась, но из вредности характера вздёрнула нос и подмигнула Лёньке. Конечно, она никогда не могла выглядеть настолько уверенной, как Шувалов.

Да и внешний вид её — джинсы-бойфренды, спортивные босоножки, серая футболка, заправленная с одного бока, и небрежно накинутый широкий кардиган, — никак не способствовал уверенности. «Не слишком-то изящно для тридцатника», — подумала про себя Ложкина, но улыбнулась широкой и самой невинной улыбкой, на которую она была способна, и, моргнув глазками, как школьница, смотрела на Шувалова. Который, оглядев её с ног до макушки, наконец, сделал два шага в сторону Татьяны и произнёс.

— Умопомрачительно выглядишь, Танюша, — он приобнял за плечи и легонько, и даже как-то покровительственно, прижал к себе.

Ложкина уткнулась носом в грудную клетку Шувалова и ощутила запах парфюма, наверняка дорогого, и ответила.

— Взаимно, Лёничка, да и пахнешь здорово. Так...

— О, спасибо, — Лёня улыбнулся и жестом короля пригласил на девять соток Лёши, общего приятеля.

Ложкина перекинула сумку на плечо и двинулась в сторону деревянного крыльца.

— Тань, — в голосе Шувалова звучала неуверенность, что немало удивило, — ээээ...

— Ну? — Ложкина резко обернулась и пристально смотрела на Лёню. — Ну? Только не говори!..

— Танечка, ты бы не приехала иначе.

— Конечно, не приехала! Да, как ты... да, что б тебя, да, что б тебе пусто было, свистун малахольный!

— Татьяна, ты преувеличиваешь...

— Да пошёл ты! — она развернулась на сто восемьдесят градусов и направилась в сторону подъездной дорожки. — Я русским языком говорила, что не хочу его видеть! И не буду!

— Татьяна, — Шувалов выглядел бы почти раскаявшимся, если бы не самодовольное лицо, — не будь ребёнком, вы расстались уже давно, все уже забыли...

— Я помню.

— Перестань, — он строго посмотрел на Ложкину, она внутренне собралась, но больше разозлилась. — Давай поступим так — сейчас ты войдёшь, такая... нарядная, посмотришь свысока, как королева, мысленно пошлешь его... туда и пошлешь, — он перехватил ругательство на ходу, слегка поморщившись от нецензурного слова, слетевшего с губ Ложкиной, — и будешь его полностью игнорировать. Ложкина, ты это сможешь.

— Да иди-ка ты тоже! Всё я могу, не понимаю — зачем?

— А я? — Шувалов смотрел, аки сама невинность. — А другие? Серьёзно, все хотят тебя видеть, мы собираемся раз в сто лет...

— Вот и собирались бы без меня.

— Без тебя нельзя, Танечка, ты наш ангел-хранитель.

— Вот дурачьё-то, — она злобно ухмыльнулась.

— Так заходишь? — показал в сторону двери.

— Всё равно у меня денег нет на обратную дорогу, — она злобно хихикнула и направилась к двери, мысленно посылая своего бывшего к праотцам, только дальше.

Когда, около трёх тысяч лет назад, две жизни назад, Ложкина пришла на Станцию Скорой Помощи обычной студенткой и попала в бригаду Шувалова, который был немногим старше, но «уже врачом» — он взял под покровительство Татьяну в прямом и переносном смысле. Симпатичная, с детскими чертами лица, девушка не сразу смогла влиться в, по большей части, мужской коллектив, но благодаря «лёгкой руке» и внешности, к ней особенно относились пациенты. Даже особо нервные успокаивались при виде Ложкиной, а уж истеричные бабушки — излюбленный контингент врачей и фельдшеров, — и вовсе обожали Танечку, Танюшу, деточку — так они её называли.

Коллектив подобрался дружный, работа Ложкиной нравилась, но постепенно все разошлись. Кого-то перестала устраивать заработная плата, кого-то график, кто-то уходил из медицины, Шувалов сменил не только специализацию, но и город проживания. А Ложкина так и осталась на станции... не то, что бы её устраивала заработная плата или график, или она никогда не мечтала о чём-то более спокойном и даже менее опасном, но в целом она не собиралась никуда уходить, считая, что врач скорой помощи — это диагноз, и лечению не подлежит.

Там же, на станции, в свой первый год, она встретила свою первую «взрослую» любовь — Илью. Роман был бурным и едва не закончился свадьбой, белое платье до сих где-то валяется на антресолях квартирки Ложкиной, но так же, как неожиданно начался, так же и неожиданно закончился. В один «прекрасный» день Илья объявил Татьяне, что «между ними всё кончено», не утруждая себя объяснениями.

Ложкина переживала расставание остро, но, в итоге, была благодарна за урок, из которого сделала два вывода.

Первый: никаких служебных романов. Второй: никаких романов вообще. Её устраивали лёгкие, непринуждённые отношения «на пару раз» с обязательным: «Я позвоню», и уверенностью в голосе, что этого не случится. Всякие попытки ухаживаний она отвергала ещё на подлёте и была более чем довольна своим «свободным» статусом.

Так что, спустя час, Ложкина наслаждалась общением бывших коллег, их вторых половинок, запахом лета вперемишку с шашлыком, и вкусом вина, которое ей щедро подливал Шувалов.

— Хочешь спать? — заботливо поинтересовался хозяин дачи Лёша, полноватый и уже лысый, с круглым черепом мужчина. — На втором этаже есть комнатка, можешь сходить, вздремнуть, рубит же.

— А вы тут весь хавчик сомнёте, да? — зубоскалила Ложкина.

— Какая ты грубая, Татьяна, — появившийся, как из ниоткуда, Лёня.

— Ох, простите, — она закатила глаза.

— Да ничего, мы привычные, — засмеялся Лёша, который работал теперь в городском стационаре. — Это Леопооооольд у нас из высшего общества, а мы так...

— Это да, — кивнул Лёня и уставился на Ложкину.

— Павлин самодовольный, — прямо вернула взгляд Ложкина.

Шувалов засмеялся и, развернувшись на пятках, двинулся в сторону спутницы, с которой приехал — высокой блондинки. Лёня был высокий, Ложкина не смогла бы сказать его точный рост, но никак не меньше одного метра девяносто сантиметров, а блондинка



Алёна была ниже его, меньше, чем на половину головы. Где Шувалов находил таких красоток, задавались вопросами многие, но каждый раз он приезжал с разными, но идентичными дамами, похожими друг на друга, словно клоны. «Впрочем, с его-то новым местом работы, — подумала Ложкина, — это вовсе не сложно».

Этот экземпляр девушки был приветлив, источал улыбки и, в общем, производил благоприятное впечатление на окружающих и, что особенно ценно, Алёна не заигрывала, как другие её предшественницы, с друзьями Шувалова, чем снискала одобрение у вторых половин служителей Гиппократы.

Ближе к вечеру, почти ночи, хотя на улице было светло, пьяненькая компания сходила не один раз на озеро, Ложкина успела выспаться прямо там, лёжа на покрывале, два раза пожарить мясо, допить весь припасённый алкоголь и отправить «гонцов» на мопеде за новой порцией в местный магазинчик, потравить анекдоты, рассказать тяжёлые или курьёзные случаи из практики, пожаловаться на жизнь, не единожды выпить стоя за присутствующих дам и любовь — левой рукой, — и, в конце концов, дошли до игры в «фанты».

Когда Татьяна выгащила незатейливое «выполнить желание соседа справа», коим оказался Шувалов, он, хищно улыбнувшись, сказал, что своё желание он скажет Танечке наедине и без свидетелей, чем вызвал смешки и едва ли не улюлюканье пьяной компашки.

— Ну, — спросила Ложкина, сидя уже ночью, когда большинство людей или разъехались по домам, или спали, в том числе Алёна, которая отправилась в гостиницу, и Илья, который раскатисто храпел в маленькой комнатке на втором этаже, — что у тебя за желание? Сексом заниматься с тобой не буду, — она попыталась придать голосу строгость, но вместо этого засмеялась.

— Это почему? — Шувалов изображал обиду, но это не очень хорошо получалось, в итоге он тоже рассмеялся, обнимая Ложкину, которая хихикала ему в грудь, хватая за свитер крупной вязки.

— Помрёшь ведь, малахольный, — она снова засмеялась.

— Об-жаешь, я очень даже...

— Ой, давай без грязных подробностей, — Ложкина поморщилась.

— Когда брезгливая стала-то?

— Всему есть пределы, Шувалов, — она оглядела мужчину рядом, он был приятной внешности, спортивного телосложения, его глаза смотрели с одобрением и немного свысока, в общем, не будь это Леопольд Аксольдович Шувалов — почти идеальная пара на ночь, но это был Лёня, отчего Ложкина снова прыснула. — Так что за желание-то? Прокричать «кукареку»? Попрыгать на одной ноге?

— Всё серьёзней Ложкина, — он прижал к себе Татьяну, потёр её холодные руки, снял с себя свитер и надел на девушку, — всё очень серьёзно.

— Ты меня пугаешь.

— Сам боюсь, но дело щепетильное, и доверить его я могу только тебе.

— Да говори уже.

— Понимаешь, Ложкина, у меня есть мама.

— Да ты что... невероятно, — Ложкина покосилась на парня, силясь собраться с мыслями и догадаться раньше о желании Шувалова.

— Так вот, Ложкина, у меня есть мама, и маму крайне огорчает мой образ жизни.

— А какой у тебя образ-то? По-моему, ты в шоколаде.

— В шоколаде, да, но я... не обременён постоянными отношениями с женщиной.

— Не женат, в смысле? Прости Шувалов, это не ко мне!

— Женат — это было бы идеально, — помолчал, — для мамы, — продолжил, — хотя бы познакомить её с девушкой, как своей девушкой... мол, живём вместе, душа в душу, всё, что полагается.

— Так познакомь с этой... — Ложкина сделала вид, что забыла имя, — с Машей сегодняшней.

— Алёной, — поправил Шувалов. — Нет, она не подходит, у мамы свои представления о прекрасном, и они несколько расходятся с моими.

— Алёна же миииииленькая.

— Да, но не ми-ми-ми, согласись, — Шувалов выглядел серьёзным.

— Нет, не ми-ми-ми, — поддакнула Ложкина.

— Если знакомить маму с девушкой для неё, то надо, чтобы девушка соответствовала её представлениям, понимаешь?

— Нет.

— Ты, Ложкина — идеальный вариант в глазах моей мамы. У тебя почти ангельская внешность, а если ты будешь меньше говорить и больше улыбаться, то ситуация станет и вовсе прекрасной.

— То есть я — ми-ми-ми.

— Определённо! — он оглядел Ложкину. — Ты — идеальное ми-ми-ми, главное — меньше говорить.

— И как ты планируешь нас познакомить? — Ложкина уже решила, в каком направлении она отправит Шувалова с его планом, но дослушать было интересно.

— Ты поедешь со мной в отпуск, — спокойно произнёс Лёня, пока Таня искала свою упавшую челюсть. — И там вы познакомитесь.

— А не пошёл бы ты! — и Ложкина указала — куда именно, отчего Лёня поморщился, но от замечания воздержался.

— Ложкина, у моей мамочки больное сердце, ты же клялась.

— Тебе я не клялась, и вообще, ты перепил или принял чего-то? Откуда такие мысли? Комедий пересмотрел? Ты как себе это представляешь? «Здравствуй, мама, это Ложкина, моя девушка», — так?

— Примерно. Тань, ну что тебе, сложно? У тебя же отпуск через неделю, чем будешь заниматься? Снова в городе торчать? Пару раз на природу выберешься... пару раз в кино сходишь, один раз мужика подцепишь. А я тебе предлагаю полноценный отдых на мо-о-о-оре.

— Море? — Ложкина посмотрела с интересом.

— Да, я родом из южного городка, помнишь? У родителей большой дом, гостевой дом рядом, для отдыхающих, бассейн... Для тебя — всё за мой счёт, включая дорогу. Подумай, Ложкина, устрою тебе экскурсию по побережью, прогулки морские, из окон — вид на море... И климат какой... и всё это за маааленькую услугу — скажем моим родителям, что ты — моя девушка.

— А потом что? Как выкручиваться-то будешь? Я — не твоя девушка.

— Отпуск у меня потом года через три будет, может, у меня к тому времени уже действительно появится девушка, может, я даже женюсь, но сейчас — это будет небольшая ложь во спасение. Таков план.

— Сомнительный план, Лёня. Очень сомнительный, ты взрослый, солидный мужчина, а мелешь какой-то бред.

— Мооооооре.

— Бред.

— Сооооооооолнце.

— Ой, бред.

— Пляаааааааж.

— Чёрт.

— И тебе даже не надо будет готовить, — это был последний и самый убедительный аргумент в пользу этой сомнительной аферы.

— Ладно, Шувалов. Но я ничего не обещаю и ничего не гарантирую, не прокатит — я не виновата.

— По рукам, Ложкина.

— Кстати, а что ты скажешь своей этой... Маше.

— Алёне. Ничего, она едет с подружками на Доминикану.

— Знаешь анекдот, «а я со своей сплю сам»?

— Ну, а я не против поделиться, Ложкина, — улыбнулся Шувалов. — Ну, что, ты остаёшься или едешь со мной?

— С тобой, — решительно сказала Таня, — хватит, насмотрелась уже.

Она не стала уточнять, и без того было понятно, кто сегодня раздражал Ложкину, и кому досталось больше всех от её языка. Илья, впрочем, всё стерпел и даже неуверенно, но улыбался, как старой знакомой.

## Глава 2

Спустя неделю Татьяна «выкатила» на службе за отпуск и судорожно собирала чемодан на юг. Предложение Шувалова было ненормальным с любой стороны, но, в тоже время, очень заманчивым. Ложкиной всегда чего-то не хватало для полноценного отдыха. Иногда компании, иногда денег. Пару раз она летала по путёвке в Турцию и один раз в Египет, но такой отдых не слишком впечатлил девушку. Постепенно она привыкла проводить отпуск в городе, отсыпаясь и смотря до одури фильмы и сериалы, пропущенные за год, в перерывах запойми читая, потягивая некрепкие сорта алкоголя.

Но целый месяц на побережье, с минимальным расходами — это было слишком заманчиво, чтобы отказываться. Так что, она совершила пару глобальных походов в торговые центры и обновила свой летний гардероб, благо сезон скидок уже начался, посетила косметолога, решив пару интимных проблем, и, наконец, была готова отправиться на встречу с летом, солнцем и полезными свойствами морской воды.

Они всё заранее обговорили, в том числе и то, что собаку, неизвестной мелкой породы, Ложкина возьмёт с собой, потому что, как назло, у Альки началась течка, малозаметная, но из-за этого её не брали на передержку, да и платить лишние деньги Ложкина не имела желания. Так что к вечеру, к концу недели, после разговора с Шуваловым, Ложкина села в плацкартный вагон скорого поезда Санкт-Петербург-Москва, и, строго сказав Альке, чтобы та вела себя достойно, вытащила её из переноски и посадила с собой, на всякий случай, пристегнув поводком.

Добрались они рано утром, без особых приключений, и Ложкина вышла на перрон вокзала столицы нашей необъятной Родины. Вздохнув, она перечитала сообщения от Шувалова и направилась в здание вокзала, куда и указывала стрелочка в сообщении Лёни, который опаздывал сам, зато прислал уже пятнадцать сообщений и даже отыскал фотографию здания вокзала, где кружочком указал, где именно должна его дожидаться Ложкина. Татьяна усмехнулась подобной щепетильности, но даже как-то немного прониклась заботой.

Алька послушно сидела на руках Ложкиной, которая, в свою очередь, сидела на чемодане и смотрела на электронное табло, постукивая пяткой всё в тех же спортивных босоножках, начиная потихоньку, но очень уверенно, злиться. Пока её взгляд не упал на пару ярко-бирюзовых мокасин с отделкой цвета горчицы. Ложкина разглядывала мокасины какое-то время, понимая, что ноги эти мужские, но вот обувь... обувь была до смешного женской, впрочем, «в наш век»...

— Здравствуй, Ложкина, — раздалось откуда-то сверху, и Татьяна поняла, что эта бирюзовая пара принадлежит Шувалову. Собственно, кто бы сомневался.

— Привет-привет, — она встала, проигнорировав протянутую ей руку и дружеские объятия. Дёрнув чемодан за ручку, подхватив Альку, Ложкина посмотрела с готовностью номер один в глазах на Шувалова, который в удивлении смотрел на девушку и явно что-то хотел сказать.

— Пойдём? — Ложкина развернулась к выходу и бодро зашагала.

— Ложкина, — спокойным и каким-то размеренным голосом произнёс Шувалов, — может, мы поменяемся? — он показал глазами на букет из мелких жёлтых хризантем и на чемодан Татьяны.

— Это мне? — она уставилась на букет. — Зачем?

— А кому ещё? — Шувалов выглядел весьма удивлённо. — Держи! — он вручил ей букет, забрал чемодан и, сложив ручку, поднял его. — Теперь пошли. Собачку держи на руках, чтобы не убежала...

— Это Алька, кстати.

— Очень приятно, Леопольд, — он серьёзно посмотрел на лисью мордочку и подмигнул.

Ложкина не слишком разбиралась в автомобилях, но тот, в который её усадил Шувалов, марки Ауди, точно был не из дешёвых, а какого-нибудь представительского класса.

— Ничего себе! — она обвела глазами светлый салон, провела пальцем по торпеде и боковому стеклу. — Она же целое состояние стоит!

— Не такое и состояние, — улыбнулся Шувалов.

— Да ладно...

— Я тебе говорю.

— Ну, если ты... слушай, глупо как-то покупать такую машину, если снимаешь квартиру, не?

— Во-первых, не глупо, во-вторых, я снимаю не просто квартиру, а квартиру в удобном для меня районе, с закрытой дворовой территорией и парковочным местом в подземной паркинге, а такая квартира стоит дороже этой машины, даже новой. Это Москва. И в третьих, я не уверен, что буду жить здесь всегда, так что вкладываться в недвижимость не имеет никакого смысла.

— И где, ты думаешь, будешь жить?

— Не знаю, всё меняется. Да и машина мне нужней.

— Ну да, ты же сам Леопольд Аксольдович Шувалов, как ты без такооооой машины.

— Твоя правда, Ложкина — никак.

Оставшись одна в съёмной квартире, Ложкина осмотрелась, потом, воспользовавшись оставленными ключами, немного погуляла с Алькой и, наконец, оставив собачку дома, немного опасаясь, что животинка что-нибудь испортит в «накрахмаленных» интерьерах Шувалова, она провела остаток дня в Зоопарке. Выбор был странным, но Ложкиной понравилась идея. Она была рождена в городе музеев, так что на неё не производили впечатления экскурсии по историческим местам, толкаться в торговых центрах и магазинах ей не хотелось, а вот Зоопарк показался отличной перспективой.

И только к вечеру, почти к ночи, когда Татьяна даже немного растерялась от того, что ночь — тёмная, она вернулась к Шувалову и, усталая, уселась на огромный кожаный диван рядом со стеклянным журнальным столиком.

Поначалу ей даже нравился вид Леопольда, готовящего ужин, она нашла в этом свою прелесть. Она признавала, что Лёнька был отлично сложен, к тому же, занятия фитнесом не прошли даром для его фигуры, и сейчас, в майке и фартуке, он смотрелся даже... аппетитно. Но вскоре методичные движения стали нервировать. Он брал филе грудки курицы и аккуратно резал вдоль волокон, потом разрезал поперёк, таким образом, нарезаая на небольшие кубики мясо. Кубики были до ужаса одного размера. Потом он делил помидоры черри на четыре дольки и резал лук-порей кольцами, до скрипа в зубах одинаковыми кольцами. Минут через сорок Ложкину передёрнуло.

— Что ты готовишь?

— Если просто, то куриные котлеты.

— А нельзя было через мясорубку, быстрее же.

— Можно, но так получается сочнее, и сохраняются полезные вещества.

— Какие могут быть вещества, да ещё полезные, в том, что продают в наших магазинах?

— Я покупаю продукты в специализированном магазине, там только проверенные производители...

— Шувалов, ты ведёшься на эту хрень?! Ты же умный человек, как ты мог попасться наподобную маркетинговую по@@нь?

— Ложкина, перестань выражаться, иногда хочется вымыть твой рот с мылом.

— Прости, Ваше Высокоаксольдовство!

— Ничего, Ложкина, мы, Леопольд Первый, тебя прощаем.

— А зачем ты сахар-то добавил?

— Немного сахара раскрывает вкус овощей.

— А соль не раскрывает?

— Раскрывает, но позже... сейчас аромат раскроется с помощью щепоточки сахара, а потом я добавлю вот этой соли, кстати, из Израиля, изготовленной по высочайшим экологическим стандартам.

— Божечки, — Ложкина закатила глаза, — я сейчас повешусь! Высочайшие стандарты, мясо кубиками, овощи раскрывают вкус, тебя от себя не тошнит, Шувалов?

— Нет, — спокойно ответил Лёня, — ты, кстати, можешь отвлечься от созерцания моей персоны, хоть это и сложно, и посмотри телевизор или компьютер...

— Уговорил, тем более, ничего серотонинергического(от тошноты) я не захватила.

— Ох, Ложкина, Ложкина, — Шувалов сделал вид, что тяжело вздохнул и обратил свой взор на панель газовой плиты.

Но всё же, Татьяна признавала, что пахло аппетитно, и она то и дело выглядывала из-за монитора, следя за действиями Шувалова и облизываясь. Бесцельно заглянув в интернет, Ложкина закрыла окно браузера, и её взгляд упал на папку с надписью «Ню». Недолго думая, она открыла её... готовая увидеть что угодно, учитывая специализацию Шувалова, но то, что она увидела... черно-белые и цветные снимки «Почти Ню», потому что считать бельём просвечивающуюся мокрую ткань нижнего белья на мужском достоинстве Леопольда никак было нельзя. В общем-то, сей предмет не только не оставлял интриги, он даже как-то подчёркивал содержимое... которое... которое... не на всех фотографиях, конечно, но было... в эрегированном состоянии. Ложкина молча смотрела, тяжело сглотнув и даже не заметив, как сзади подошёл сам Шувалов и с интересом смотрел на самую «виновницу торжества».

— Что это? — наконец, не выдержав, произнесла Ложкина.

— Фотографии, — спокойно ответил Шувалов.

— Аааа... даааа... ты обалдел?

— Во-первых — это тебя не касается, во-вторых — я не давал разрешения ходить по моему рабочему столу, как у себя дома, в-третьих — в чём причина твоего возмущения, Ложкина?

— Я не возмущена, Шувалов, я удивлена степенью твоего нарциссизма! С ума сойти! Ты настолько любишь себя, что даже устроил себе фотосессию почти голым, да что там — почти, тут же... ты понимаешь, что мне теперь жить со знаниями, как выглядит твой первичный половой признак! — Ложкина нагнула голову и прокрутила колёсико мышки, увеличивая изображение.

Шувалов тоже нагнул голову и, внимательно посмотрев на фотографию, отметил.

— Неплохо выглядит, надо заметить.

— Ты такой самовлюблённый павлин... — Ложкина повернулась к Лёне, который присел на корточки и внимательно смотрел на девушку, — я в шоке, это как-то...

— Танюша, от чего ты в шоке?

— От всего я в шоке, от машины твоей, сахара, который раскрывает вкус, фотосессий...

— Давай по порядку, хорошо? Машину я купил по случаю и действительно недорого, для этой модели, естественно, я мужчина и люблю сильные движки и хорошие тачки, что в этом удивительного? Да, я люблю готовить, меня это расслабляет в первую очередь, а во вторую я хочу знать, что я ем, в этом тоже нет ничего удивительного. Мы — это то, что мы едим, в том числе, ты это понимаешь? И я уделяю внимание своей внешности, но где я работаю, Тань? По-твоему, будет нормально, если на приёме будет плюгавый толстый мужик? А фотографии эти... Алёна фотограф, ей нужна была модель для пробной сессии — вот она и тренировалась на мне.

— В таком виде?! — Татьяна взвизгнула.

— Ложкина, она, по-твоему, такой вид у меня не видела? Вот то, что ты влезла без позволения, это тебе не делает чести, а не мне. А теперь пошли есть, завтра рано вставать.

Спала Ложкина плохо, ворочалась с боку на бок, и только под утро, когда пришло время вставать, она, наконец, крепко уснула.

К удивлению Татьяны, Лёня предложил поехать на машине и обещал доехать меньше чем за сутки. Она никогда не ездила на такие расстояния подобным образом, но спорить не стала, хотя и опасалась дороги. Как оказалось — зря. Пробок на выезде из города не было, благополучно проскочив МКАД, они влились в поток машин на автостраде, играла приятная музыка, Алька, после обнюхивания салона, устроилась на заднем сидении, которое предварительно укрыли одноразовой пелёнкой, подальше от греха. Она была собакой воспитанной, но и столь далёкое путешествие ей, как и её хозяйке, было в новинку.

Область сменялась областью. Иногда они останавливались по природной нужде, иногда — просто отдохнуть, почти за целый день они даже ни разу не поругались и разработали детали плана, что именно говорить родителям Лёни. Ложкина ощущала себя едва ли не школьницей, впервые планирующей прогулять школу — настолько план был глупый и обречённый на провал, но заманчивый. Снятие же ответственности со своих плеч Татьяна посчитала за отдельный бонус.

Как-то, сам собой, разговор перешёл на работу, да и не мог не перейти.

— Объясни мне, Ложкина, почему ты до сих пор там работаешь? Ты теряешь время, ты уже его потеряла. Но ты же там гробишь здоровье, а что в ответ? Ни личной жизни, ни денег.

— Куда идти, Лёнь? Где лучше-то? В стационаре, что ли? Не смейся.

— Я давал тебе телефончик, почему не пошла? Тебя бы взяли без разговоров.

— Я врач, Лёничка.

— Да вроде не уборщицей приглашали.

— Слушай, я не хочу быть обслуживающим персоналом, понятно?

— Ерунду говоришь, Ложкина.

— Ага... да ты посмотри на себя, кем ты стал?

— Кем я стал? Переучился, не один год жизни потратил, теперь живу и радуюсь.

— И чем же таким занимаешься, что радуешься? — ехидно.

— Пластическая хирургия. Лабиопластика.

— И кому она нужна? Зачем? Что это за глупости, вообще?

— Ты меня удивляешь. Что значит, «кому нужна»? Есть женщины, которые нуждаются в подобном вмешательстве, и я им помогаю, улучшаю их качество жизни.

— Да, блин, с жиру бесятся твои клиентки, — на «клиентки» ударение, — качество жизни, говоришь? Мы в крайнюю смену выезжали дважды на боли, женщина, тридцать лет, онкология, её качество жизни кто улучшит?!

— И что, по твоему, все, кому повезло настолько, что у них нет онкологии, не могут хотеть как-то помочь себе?!

— Ты такой... такой... ты был лучшим! Почти богом! Как ты мог уйти? И куда?!

— Я считаю, что я на своём месте, и помогаю женщинам по мере их надобности.

— По мере надобности твоего кошелька.

— И это тоже.

— И вообще, что это за глупости?..Лабиопластика, кто вообще придумал, что это нужно...

— Не глупости, тебе прекрасно известно о возрастных изменениях, об индивидуальных особенностях, проблемах, которые теперь довольно быстро и практически безболезненно решаются.

— Вот именно, индивидуальных! Ты лишаешь женщин индивидуальности!

— Ложкина, ты споришь, чтобы спорить.

— Нет, я хочу узнать твою позицию, как ты считаешь, неужели такие операции нужны?

— Мою? Да, нужны.

— Почему «да»?

— А почему «нет»? И давай, ты не станешь рассуждать о том, с чем не знакома, у тебя же нет таких проблем, о чём мы вообще разговариваем?

— Нуууууууу, конечно, у меня нет таких проблем!

— Нет!

— Стоп! — взвизгнула. — Откуда ты знаешь, что у меня нет таких проблем?

— Я не знаю, я предполагаю, иначе ты бы не верещала и не доказывала...

— Ты сказал «нет», и сказал уверенно.

— Ложкина, тебе показалось.

— Шувалов, мне не показалось.

— Показалось.

— Говори сейчас же...

— Нет, нет, давай о чём-нибудь другом... это просто спор, слово за слово...

— Хреном по столу! Говори... — лицо Ложкиной не выражало ничего хорошего.

Шувалов покосился, вздохнул.

— Ты меня убьёшь...

— Уже не сомневаюсь в этом.

— Имей ввиду, Ложкина, мы на оживлённой трассе, наша скорость сто сорок километров в час...

— Ну?

— Я видел.

— Лёнь, — Ложкина широко улыбнулась, — я столько не пью, если бы я с тобой переспала, я бы запомнила.

— На фотографиях видел...



— Каких это фотографиих?

— Кхм... ты там с Ильёй.....

— Что? — она побледнела, потом ещё сильнее побледнела. — Он показал? Тебе?

— Он выложил в сеть... на сайт \*\*\*\*.ru, и да, показал мне, вроде похвастался, — Лёня покосился на Ложкину и продолжил, — в общем, я попросил его удалить их.

— Да что ты... а тебе не кажется, что это не твоё дело было?

— Не моё, ты права. Что двое делают — это только их касается, но ты не знала о подобной слабости Ильи, а так не делается, Тань. О таких вещах партнёра предупреждают заранее и договариваются тоже — заранее. О таких вещах вообще не треплются, фотографии своих невест под нос коллегам не... так не поступают... В общем, мы поговорили, по-мужски, и он фотографии удалил. Не знаю, сколько их разошлось, главное, что удалил. Потому что так — не поступают. Только вот... удалил он их вместе с тобой из своей жизни.

— Да кто бы говорил, — вскипела Татьяна, — не поступают? Тоже мне, Мистер-каждый-год-новая-Алёна.

— И много ты знаешь про моих Алён? Зато про тебя узнала бы половина дрочащих малолеток.

— Ты! — Она вскрикнула, всхлипнула и вдруг заплакала, резко и неожиданно даже для себя самой.

Лёня не без труда перестроился в правый ряд, потом на обочину, а потом и остановился.

— Тань, не надо.

— Пошёл ты.

— Перестань.

— Нет. Почему ты раньше не сказал?!

— Вот, сказал, посмотри, сколько лет прошло, а ты сидишь и ревёшь, а из-за чего? Из-за дурацких фотографий, которым минуло сто лет в обед? Или из-за этого горе-порно-режиссёра? Ну-ка, глянь на меня, Ложкина, и скажи, что тебе стыдно. Скажи, скажи...

Он немного помолчал, и Ложкина молчала.

— Потому что тебе нечего стыдиться. Ты была молодая, влюблённая, открытая экспериментам, мы все чудим по молодости — это часть жизни, тебе не может быть стыдно за собственный опыт, это твой опыт, и он важен для тебя. К тому же ты такая красоточка на тех фото, — он повёл бровями, — это я тебе, как узкий специалист говорю, — заставляя улыбнуться, — так что давай-ка, забудем об этом инциденте, благо прошло уже порядком времени.

К ночи они всё-таки остановились в придорожном мотеле, потому что у Татьяны затекли все возможные конечности, спина и даже кончик носа — так ей казалось, и, переночевав, после обеда, преодолев приличную пробку, были на побережье.

Ложкина выглядывала из окна и предвкушала прекрасный отдых, она уже забыла вчерашний инцидент и даже радовалась, что теперь-то она знает причину, по которой тогда её бросил «жених» — она перестала быть удобным объектом для его извращённых фантазий и затей. Стыдно ей не было ни секунды, скорее сыграл роль эффект внезапности подобного откровения. Но в целом — что, собственно, нового мог увидеть хирург по лабиоплатике на тех фотографиях?

Так что, почёсывая Альку за ухом, Татьяна, довольная, рассматривала дома на узкой улочке, которая заканчивалась тропинкой куда-то вниз и видом на бирюзовое море. Наконец-то! И если для того, чтобы насладиться этой роскошью, ей нужно будет

притвориться девушкой Шувалова — это небольшая плата.

Ворота автоматически открылись, Ауди въехала во двор и остановилась.

Татьяна вышла и с интересом огляделась вокруг. Трёхэтажный дом, розового цвета, с литыми чугунными балконами, был похож на домик для мультипликационной принцессы, плющ с одной стороны дома и виноградник, чьи ветви цеплялись за навес и свисали зелёными незрелыми гроздьями с другой, дополняли этот эффект.

Рядом, за резной оградой, такого же литья, как и балконы и ворота, стоял ещё один дом в таком же стиле, с большим бассейном посередине двора, лежаками, шезлонгами, большими зонтами для тени и столами.

— Это и есть гостевой дом? — поинтересовалась Татьяна, присматриваясь к своему будущему жилью на целый месяц.

— Да, — Лёня обнял девушку, — а это дом, где я вырос, ну... тогда он ещё не был розового цвета, конечно, и этих изысков в стиле барокко не было.

— Понятно, — она почувствовала, как кто-то или что-то ударяет её в ноги, и повисла на Лёне, цепляясь за его рубашку, смотря краем глаза на огромного чёрного пса неизвестной породы.

— Барон! — послышалось женское. — Барон, на место! — женщина в светлом платье, шляпе и широких очках подозвала собаку. — Прошу прощения, Барон на самом деле безобидный, он хотел поприветствовать гостей.

— О, — поспешила успокоить Ложкина женщину, — я абсолютно не испугалась, от меня пахнет течной сукой, так что кобель никогда не причинит мне зла.

— Судя по тому, какие у вас познания о кобелях, вы Татьяна, девушка моего сына Леопольда, не так ли? — вернула улыбку женщина, пока Ложкина рассчитывала траекторию своего падения под землю.

— Паааап, — раздалось откуда-то слева, и Ложкина стала медленно наблюдать, как высокий подросток, до странного похожий на Шувалова, проходил в калитку между дворами и двигался напрямик на них.

— Мам, это Таня, моя девушка, в машине её собака, от которой и пахнет тем самым. Татьяна — это моя мама Анна-Эльза, а это мой сын — Яков, но все зовут его Ян.

— Сын???

Татьяна упиралась, как она полагала, совсем незаметно, пока не получила ощутимый толчок в спину, и Шувалов не зашептал

— Танечка, не стесняйся, проходи, — ещё один толчок в спину, и перед глазами Ложкиной предстала комната.

Двойные белые двери распахнулись, и Ложкина увидела огромное, залитое светом помещение, в центре которого, как монумент, стояла не менее огромная кровать с белоснежным покрывалом, которое стекало лёгкой вуалью на светлый пол.

Ложкина испытала желание вцепиться руками в дверной косяк — на кровати, лепестками алых роз, были выложены сердечки, и завершали этот разгул романтичности два лебедя из махровых полотенец, Татьяна видела такие в Египте, ими украшали номер в надежде на чаевые.

Два лебедя, склонив друг к другу головы, плыли по сердцам из лепестков роз. Ложкина испытала желание продемонстрировать всё, что она ела до этого.

— Это Лилечка, подружка Яна, сделала, правда, это чудесно? — раздался сзади голос Анны-Эльзы, и пока Ложкина ловила ртом воздух, чтобы как можно правдоподобней выразить свой восторг, услышала Шувалова.

— Мило, спасибо парень, я тронут, — он приобнял Якова и дружески похлопал его по плечу.

— Да, это Лилька всё, — отмахнулся парень, — мне не жалко, пусть.

— Спасибо и ей. Лилия, значит?

— Угу, — Ян насупился и отошёл в сторону, — там, в холодильнике, шампанское и вишня... Лилька сказала, что нужно клубнику, но сезон прошёл, а ба говорит, что испанская нашигована пестицидами... — парень отходил в сторону и понемногу заливался краской.

— Бабушка правильно сказала, а вишня даже лучше, правда, Таня?

— Да, — подтвердила Ложкина. Это было едва ли не первое членораздельное предложение Татьяны после представления и вида на лебедей и лепестки роз...

— Мы оставим вас, располагайтесь, ужин в шесть, Леопольд, я надеюсь, ты помнишь, — Анна-Эльза подозвала внука, и они покинули комнату, оставив Татьяну наедине с Лёней и романтической вакханалией.

— Какого хрена? — зашипела Ложкина.

— Что случилось, Татьяна? — он выглядел, как сама невинность.

— Что случилось? — взвилась Татьяна. — Что случилось? У тебя такое дерьмовое чувство юмора, да? Что это за нахрен? — она махнула рукой в сторону кровати. — Лепестки роз? Меня сейчас вырвет!

— Да ладно тебе, ребята старались...

— И, кстати, когда ты собирался сообщить мне о небольшом, но существенном факте — наличие у тебя сына, а? Я на роль мамочки не подписывалась!

— Ну... вот, говорю: Татьяна у меня есть сын Яков, ему шестнадцать лет и, кстати, он не нуждается в памперсах и пустышке, так что тебе совсем не обязательно изображать из себя его мать, тем более, она у него есть.

— У него ещё и мать есть?!

— Ложкина, естественно, у него есть мать, ты прогуляла лекцию по оплодотворению? В

ампулярной части фаллопиевой трубы...

— Я знаю, откуда берутся дети, — зашипела, — я спрашиваю, откуда у тебя мог взяться ребёнок?!

— Я не счастливое исключение, моя половая система не отличается от любой другой мужской, — он широко и нагло улыбнулся.

— Шувалов, — она выглядела угрожающе, через несколько секунд оправдала свой вид, схватив за шею одного из лебедей и кинув в самодовольное лицо Шувалова.

— Всё, Тань, всё, без ёрничания. Нам было по семнадцать...ну, мне не было семнадцати, первая любовь и всё такое, первый поцелуй... в общем, итог ты видела.

— И где же мать этого итога?

— В Италии его мать.

— То есть ты в Москве, мама в Италии, а ваш сын у бабушки?

— Да, так и есть... ну, а что ты хочешь, сколько лет-то нам было... Какой ребёнок? У одного учёба, у другого, личная жизнь. Родители забрали себе Якова, за что я благодарен. Он всем доволен, ездит к матери, ко мне, живёт у моря... Никакой трагедии. Все счастливы. Тем более — сейчас, смотри, какой парень вырос. Заботливый, — он показал рукой в сторону кровати и повёл бровями.

— Ах, да! — Ложкина подбоченилась. — Ты не скажешь мне, почему нас поселили в одну комнату, да ещё с одной кроватью? Ты говорил: «Гостевой дом», и где?

— Тебе не нравится комната? — Лёня демонстративно надул нижнюю губу, — Смотри, какой вид, — он подвёл Татьяну к окну и открыл жалюзи, в комнате стало ещё светлей, даже ярче, жар из окна полился прямо на Ложкину, которая заворожённо смотрела на лазурную гладь моря, скалы и сосны на них.

— Красиво... но на скорость не влияет. Я не собираюсь жить с тобой в одной комнате, Шувалов.

— И как ты себе это представляешь?

— Ты будешь жить здесь, я где-нибудь в другом месте...

— Ага, а вечером мы будем встречаться, и я тебя буду провожать до дверей номера?

— Сама дойду.

— Ложкина, ты — моя девушка, я просто напоминаю тебе эту деталь, а значит, жить ты должна сооо мноооой.

— Мы ведь не женаты, — ухватила за последнюю ниточку Ложкина, — поэтому ещё не...

— Тань, — Леопольд одарил Татьяну фирменным взглядом, в котором высокомерие сочеталось со снисходительностью, — в это даже моя мамочка не поверит.

— Не... ну...

— Что за паника, Ложкина? Здесь достаточно места, чтобы ужитья.

— Здесь кровать одна!

— Так, сразу предупреждаю, я с кровати сваливать не собираюсь и тебе не дам, она широкая — поместимся. А теперь, давай разбирать вещи и, как джентльмен, я пропускаю тебя в ванную.

— Щедрость твой души, поражает, Шувалов.

Через пару часов Татьяна выходила из комнаты под руку с Шуваловым. Они, хоть и формально, но поделили территорию, распаковали вещи, приняли душ, по очереди, и сейчас шли на «праздничный ужин» в честь приезда Леопольда со своей девушкой.

На первом этаже была кухня, которая соединялась со столовой, в центре которой стоял большой овальный стол, стулья с резными ножками, как у стола, на стенах были обои в выдержанных тонах, красовалось холодное оружие и семейные портреты в золочёных рамках. Ложкину пробрал озноб, но она вскинула подбородок и присела на краешек стула.

— Танечка, располагайся, — Анна-Эльза,

— Вам помочь?

— Нет, нет, спасибо, мы с Лилечкой прекрасно справляемся, правда, детка?

Появившаяся детка вызвала невольную улыбку, как у Татьяны, так и у Лёни. Смущающаяся девушка, от силы лет шестнадцати, а то и меньше, была невысокого роста, ещё по детски худенькой, русые волосы были убраны во французскую косу, а платье простого кроя, до середины бедра, подчёркивало юность его обладательницы.

Лиля была загорелой, как и любой житель побережья, и загар очень шёл девушке, как и румянец от смущения.

— Леопольд, отец Якова, — представился Лёня, — это моя девушка Татьяна, — он показал рукой на Таню и вопросительно посмотрел на Лилю, давая ей время собраться силами.

— Лиля, — всё, что слышали окружающие.

Зашедший Ян отвлёк от знакомства, и Татьяна посчитала, что оно уже состоялось. Вскоре все, включая отца Лёни, сидели за столом и неспешно беседовали. Вернее, беседовали все, кроме Тани, которая посчитала за лучшее молчать в этой щекотливой для себя ситуации.

Во главе стола, как и полагалось главе семейства, восседал, а не сидел или примостился, отец Леопольда Шувалова — Аксольд Шувалов. Именно так, подумала Татьяна, и будет выглядеть Лёня по истечению двадцати лет. Аксольд был статен, по молодецки подтянут, в белоснежной и, Ложкина могла поклясться, накрахмаленной сорочке, с запонками. Он смотрелся великим князем, как минимум.

Анна-Эльза, в нарочито простом платье, ничем не уступала своему мужу, улыбаясь, она довольно поглядывала на Татьяну и Леопольда, произнося поминутно:

— Как же мы рады вашему приезду, дети.

Аксольд обратил внимание на себя ударом ножа по хрусталу и поднялся, чтобы произнести очередной тост, в котором он «выражал признательность», а также «надежду на будущее» и, конечно, «уверенность», ещё «искренние пожелания», «прожить душа в душу, как они с драгоценной Анной-Эльзой».

— А как вы познакомились? — спросила Татьяна, она уже немного выпила, и алкоголь отлепил её язык от нёба.

— Мой отец, — и Аксольд показал на одну из золочёных рам, где был изображён мужчина лет пятидесяти, с таким же «княжеским» взглядом, как и у двух его потомков, Яков ещё не обзавёлся снисходительностью и высокомерием... хотя, Татьяна ведь не Лиля, которая поглядывает на своего мальчика, едва ли не забывая, как дышать. — Всеволод Шувалов был крайне увлечён древнегерманской и кельтской мифологией и культурой, поэтому меня зовут Аксольд, что означает «владеющий мечом», — он ещё раз показал на стену, где красовались разные виды мечей и какие-то сабли, Татьяна не разбиралась в этом. — И когда меня, блестящего, — «кто бы сомневался» — ухмыльнулась Ложкина, — выпускника Военно-Медицинской Академии распределили в Германию, тогда ещё ГДР, я с честью выполнял свой долг на территории Германской Демократической Республики, и там

же познакомился со своей ненаглядной Анной-Эльзой. Язык я знал в совершенстве, так что это не стало преградой, были другие трудности, бюрократического характера, но мы с честью справились с ними, и уже более сорока лет вместе.

— Да, дорогие мои, чего и вам желаем, — закончила Анна-Эльза.

— Отец Анны-Эльзы, фрайхер фон Остхофф, но тогда это, конечно же, не афишировалось, был категорически против брака фройляйн с советским офицером, но мне удалось завоевать не только сердце милой Анны, но расположение её отца, — и он показал на другую золочёную раму с изображением мужчины, уже без фирменного семейного взгляда Шуваловых, но зато с тонкими губами и прищуром, от которого мурашки разбредаются по телу в хаотичном порядке.

— Ну, после того, как мы славно разобрались с моим, практически царским, происхождением, — сказал Лёня, — можем ли мы с Татьяной ненадолго отлучиться? Обещаю, завтра, половину дня, мы полностью в вашем распоряжении, а сейчас очень хочется прогуляться, правда, Танюша? — Танюша поняла, что единственное, чего ей хочется, это убежать из этой обители князей и прочих фрайхеров.

— Охренеть, это же охренеть какой-то, Шувалов, — не смогла смолчать Ложкина, когда они шли по узкой гравийной улочке по направлению к морю, — ты куда меня привёз? Да любая из твоих Алён подошла бы на роль твоей девушки лучше меня! ФрайХер фон Шувалов!

— Танюша, всё не так страшно, главное, что ты понравилась маме.

— Она мечтает разбавить вашу голубую кровь, да? — Ложкина засмеялась.

— Она мечтает о милой, доброй и порядочной девушке для своего непутёвого сына. Ты — милая, добрая и порядочная.

— Ага, а ещё я на досуге Майя Плисецкая и Монсеррат Кабалье. Знаешь, эта идея была идиотской с самого начала, но сейчас — это становится похоже на бред!

— Тань, ты же уже здесь, всё прошло гладко, никто ничего не заподозрил, и держалась ты молодцом, я даже сам себе позавидовал, какая у меня прекрасная девушка. Давай не будем паниковать, а просто получим удовольствия от отдыха и моря, кстати, вот и оно.

Ложкина замерла, пляж освещали два тусклых фонаря, играла музыка, а впереди шелестело, шумело, набегало и отбегало от берега — море.

— Тёплое! — крикнула Татьяна, зайдя в него по колено, пробегаясь по ласкающей пене волны рукой. Она готова была закричать на всё побережье и даже на весь мир, что она в отпуске! На море! И плевать, что с фрайХером фон Шуваловым.

Недолго думая, она упала в море прямо в платье и проплыла два метра, больше у неё не получилось.

— Эй, иди сюда, — стоя по грудь в воде, крикнула Татьяна Лёне и смотрела, как он раздевается.

— Спасибо, что оставил бельишко.

— Татьяна, твой интерес к моему бельишку мне льстит, обещаю, при первом твоём желании, я сниму его для тебя, — и повёл бровями, игриво, при этом, широко улыбаясь.

— Не дождёшься, Фон Хер Шувалов.

— Очень жаль, — в этот момент он толкнул Татьяну, чтобы тут же поймать и утащить с собой под воду, но до того момента, как Ложкина успеет испугаться или возмутиться, поставить на ноги и протереть воду с её лица.

— У меня тушь размазалась!

— Совсем немного, — он аккуратно провёл по нижнему веку, потом по верхнему, — вот, так лучше... — потом провёл пальцем по губам, Ложкина вздрогнула, может, от движения, но скорее от взгляда Шувалова...

— Там тоже тушь? — ехидно улыбнулась.

— Да, немного, пошли домой?

— Пошли, — она двинулась к берегу и попыталась отжать платье, почувствовав прохладу от бриза.

— Снимай, — услышала за спиной, — снимай, снимай, — Шувалов взмахнул своей рубашкой, — пойдёшь в этом, успеешь ещё и простыть, и обгореть, и напиться в хлам, ты на море, Ложкина, не обязательно начинать выполнять всю программу в первый день.

Они дошли довольно быстро, Ложкиной всегда нравилось общаться с Шуваловым, он был интересным собеседником, и если бы не вёл себя, как павлин, почти наверняка был бы приятным человеком. Но даже с такой версией Шувалова было о чём поговорить и, главное, поспорить. Он иногда морщился на крепкое словцо Ложкиной, иногда грозил вымыть ей рот с мылом, но чаще с энтузиазмом поддерживал беседу.

— Интересно, как там Алька? — выразила беспокойство Татьяна, они оставили собачку на попечении Анны-Эльзы, отправив недовольного Барона на задний, «технический», как уточнил, Аксольд, двор.

— Да вон она, — Татьяна увидела, как Алька крутится под ногами Якова и Лили, которые сидели на качелях и о чём-то тихо разговаривали. Уличные фонарики, которые стояли по периметру двора, были выключены, и только жёлтый свет светильника на крыльце падал косыми лучами на парочку. Лёня придержал Татьяну.

— Тшшшш...

— Что? — она почему-то зашептала.

— Давай не будем мешать.

Ложкина ещё раз посмотрела на ребят. Лиля распустила волосы, они стекали волнистым каскадом по плечам и спине, которую с особой бережностью обнимал Яков. Он поправил ей невидимую прядь волос у лица, тогда как пальцы руки пробежались по шее и остановились, а сам юноша нагнулся, словно собирался поцеловать девушку, но остановил себя и провёл губами по щеке и что-то прошептал на ухо.

— Так и будешь стоять и смотреть? — шептала Ложкина.

— Нет, мы обойдём с другой стороны, не будем им мешать. Не хочу смущать парня, а тем более — его девочку.

— Не похоже, чтобы он смущался.

— Он смущается, поверь мне, и девочка его тоже, ты уже забыла, да? Или никогда не была влюблена впервые?

— Не помню.

— А я помню...

— Ну да, и теперь итог этой любви сидит на качелях, и очень похоже, что в скором времени ты станешь дедушкой!

— Не говори ерунду, Ложкина.

— Почему это ерунду, подростковый секс — это реальность.

— Я знаю своего сына, Таня, и... послушай: «Трепет первых прикосновений — рука, талия, глаза, волосы — прикосновений незапятнанных, как притча, обещающих, как занавес». Неужели ты не помнишь этого?

— О, боже, я сейчас расплачусь, — она покорно вложила свою руку в руку Шувалова, пока он обходил дом и заводил её на третий этаж.

— Давно ты стал таким романтиком, Шувалов? — ввернула Ложкина, — Трепет первых прикосновений... Ку-ку, Лёоооня, каких прикосновений, лучше поговори с сыном на предмет контрацепции. И уголовного кодекса, кстати, тоже, что там говорится на предмет согласия?

— Умеешь ты всё опошлить, Ложкина. У них первая любооооовь, это важный эмоциональный опыт, его обязательно нужно пройти, и парень, и уж тем более девочка, ощущают этот самый трепет прикосновений незапятнанных.

— Угу, но о тычинках поговори, чтобы поменьше обещали, а то будет вам тут всем занавес.

— Клянусь гипоталамусом — поговорю!

— О, это страшная клятва. Верю.

— Вот и отлично, а теперь, давай-ка выпьем шаманского...

— Приставать будешь? — сощурила глаза и посмотрела подозрительно. — Я громко кричу.

— Всё-то ты обещаешь, Ложкина, — засмеялся и достал бутылку, фужеры и вишню.



Утро начиналось у Ложкиной как обычно, ближе к обеду. Она сладко потянулась, перевернулась с живота на спину, ещё раз потянулась и, блаженно улыбаясь, прошлёпала босыми ногами к окну, чтобы распахнуть его навстречу солнцу, которое мгновенно наполнило собой тонувшую в полумраке комнату.

В первый вечер Татьяна изрядно выпила и, уставшая с дороги и от новых впечатлений, крепко уснула, кажется, уткнувшись носом в плечо Шувалова, ругаясь и бубня себе под нос, что завтра с утра надо выгулять Альку. К своему удивлению, Ложкина проснулась к обеду, Альки рядом не было, как и Лёни.

В последующие дни это стало традицией, Лёня просыпался рано утром, подхватывал маленькую собачку, которая быстро просекла ситуацию и заваливалась спать между парочкой, и спускался вниз, чтобы сходить к утреннему морю, а Альке — справить свои собачьи потребности.

— Что это за порода? — спросил Шувалов, глядя на ушастое нечто с лисьей мордочкой.

— Без понятия, собака.

— Как это «без понятия»? Ты не смотришь, что берёшь, что ли? Тебе её как что продали?

— Мне её не продавали, а отдали... ну, как «отдали», её принесли в ветеринарку, щенком. Со сломанными лапами. Со смещением... в общем, нужна была операция, наркоз и весь полагающийся в этом случае компот. Так что, я забрала её, у меня там приятельница работает.

— И оплатила весь этот компот?

— Да...

— Тань, так это же примерно на твою зарплату тянет... ты прямо герой.

— Ой, ладно, не померла же я с голоду. Скажешь тоже, «герой», — и Ложкина, к удивлению Шувалова, покраснела, потом подняла собачку, — зато смотри, какой у меня дружок теперь есть.

— Кто гуляет-то с ней, когда ты на смене?

— А, соседский мальчишка. Подросток. И ему хорошо, и мне недорого.

— Вот и отлично.

Татьяна спустилась вниз, на первый этаж, и застала уже привычную картину. Анна-Эльза готовила обед, тщательно нарезаая одинаковыми ломтиками или квадратами мясо и овощи, укладывая плоды своего труда на изящную, фарфоровую посуду, рассказывая по ходу, почему именно такую говядину нужно нарезать так, а болгарский перец — эдак. Татьяна улыбалась про себя, но спорить не спорила. Так же к обеду появлялась и Лиля, как оказалось, она подрабатывала в гостевом доме Шуваловых, вместе с Яном.

«Подростки нуждаются не столько в деньгах, сколько в иллюзии свободы». Лиля убиралась в номере и иногда помогала в столовой или баре. Основную работу делали взрослые женщины, Лиле не приходилось мыть сантехнику или отмывать особо грязные полы после «хорошего отдыха», но, тем не менее, с утра и до обеда она была занята. Ян же больше помогал деду «по мужской части», а сама Анна-Эльза следила за производственным процессом и решала организационные вопросы. Судя по количеству постояльцев — делала это с успехом.

В первый день Таня выказала инициативу помощи, но Анна-Эльза, в вежливой форме, отказалась, давая возможность «Танечке отдохнуть». Возможно, она была уже наслышана о кулинарных способностях Татьяны, а может, действительно, попросту хотела дать насладиться отпуском своей гостье.

Постепенно все подтягивались, Ян заходил за руку с Лилей, коротко приветствовал присутствующих и отправлялся наверх, в свою комнату, так же держа за руку Лилию, чтобы там переодеться и спуститься к обеду в свежем. Лиля тоже хранила пару платьев в комнате Яна. Татьяна ещё раз поговорила с Шуваловым, настаивая на серьёзном разговоре его с сыном (видя, как подростки переодеваются в одной комнате, Татьяна не могла сдержать ехидного замечания). Однако красные, почти пунцовые щёки Яна, когда Татьяна прошла мимо него и Шувалова, навели на мысль, что, действительно, парочка дальше трепетных прикосновений не заходит... Но она осталась при своём мнении: «Подросток должен понимать последствия своих возможных действий или бездействий».

И последним вплывал в помещение сам Леопольд Шувалов. Именно вплывал, убирая с лица влажные после моря или бассейна волосы, перекинув через плечо футболку, в низко сидящих шортах. Ложкина признавала, что Лёня был хорошо сложен от природы, что называется, «атлетического телосложения», плюс регулярные занятия спортом оставили отпечаток на его теле в виде рельефных мышц живота и контура рук и плеч.

**Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)**

Он так же приветствовал всех, коротко целовал маму и плавно подходил к Татьяне, улыбаясь ей широко и почти влюблённо. Шувалов оказался заправским актёром, Таня перестала удивляться количеству и качеству его Алёна. И если бы она, Татьяна, не знала его продолжительное время, она бы заподозрила, что Лёнька и вправду в неё влюблён. Но Ложкина знала, поэтому она так же широко улыбалась Шувалову и позволяла себя поцеловать в щёку, потом в шею и плечо, под плотоядное Лёнино: «Умм, самое вкусное», после чего он, насвистывая, уходил переодеваться.

После обеда все разбредались по своим делам, как и сегодня. Ложкина поднялась в комнату, чтобы закинуть пляжные принадлежности в сумку и отправиться с Лёней на море, в этот день у них не было запланировано никаких мероприятий или поездок.

Лёня, как и обещал, устраивал прогулки не только по побережью, но и в горы, показывая живописные, но легкодоступные места. И пару раз — морские прогулки на небольшом катере с приятелем, который по совместительству был «капитаном», но служил при этом в небольшой клинике врачом общей практики.

Одним словом — Ложкина была довольна отпуском, как никогда в жизни.

К небольшому неудобству, такому как присутствие Шувалова в одной комнате с ней и, более того, на одной кровати, Татьяна привыкла быстро. Лёня умел быть корректным и незаметным. Он исчезал, когда Татьяне нужно было переодеться или побыть одной, не храпел ночью и всегда спал на своей половине кровати. Тот факт, что порой Таня просыпалась от того, что на неё накидывают лёгкую простынь, «под кондиционером легко простудиться», она засчитала за бонус.

— Не обгори, — побеспокоился Лёня, проверяя, захватила ли Таня крем, — нас сегодня пригласили на праздник.

— На какой?

— Да никакой, на самом деле. Просто соберёмся старой компанией, кто-то с жёнами придёт, кто-то с детьми... я вот — со своей девушкой, — он подмигнул.

К вечеру, обговорив «форму одежды», Татьяна довольно смотрела на платье персикового цвета, в чехле, пока укладывала себе волосы в небрежную, но высокую причёску, открывая шею. Она нанесла совсем лёгкий макияж, крем с мерцающими частицами на тело, скептически ища результат, потом удовлетворилась ощущением неестественной мягкости и даже шелковистости кожи и, наконец, надела платье.

Оно было средней длины, плиссированный подол из тонкой ткани струился по ногам, делая их, вкупе с босоножками на высоком каблуке, нереально длинными... Плечи и линия декольте были из кружева, не менее тонкого, чем ткань, но главное — открытая спина, которая венчалась ниже линии талии такой же тесьмой из кружева, которая играла функцию пояса. Ложкина не слишком часто придавала значение своему внешнему виду, предпочитая простую и удобную одежду, но сейчас она была убийственно хороша и знала это. Спустившись, она встретила Аксоляда, который попросил её повернуться вокруг своей оси и сделал пару отнюдь не дежурных комплиментов, Анна-Эльза сказала, что «Танечка восхитительна, Леопольд», а сам Леопольд на какое-то время, казалось, потерял дар речи, но быстро нашёлся, вторя комплиментам матери и отца. Он подошёл к Татьяне, приобнял её, но не за плечи, как уже привыкла Ложкина, а положив руку на спину, предварительно пробежавшись по краю кружев, так и оставив там, в выемке позвоночника, пару пальцев аккуратно поглаживать кожу. Губы же легко прошлись по плечу, дойдя до шеи, и Ложкина услышала почти судорожный, но сдержанный вздох.

— Прекрасно выглядишь, любимая, — он прошептал, но так, что услышали все. — Мы пойдём, — он подтолкнул Татьяну к дверям, всё ещё не отнимая своих рук от поясницы девушки.

— Может, ты уберёшь от меня свои руки? — спросила Татьяна, когда они отошли на безопасное расстояние, решив немного прогуляться, а потом уже вызвать такси до места назначения.

— Практически невыполнимая задача, — немного подначивая.

— Я в тебя верю, Шувалов!

— Ты бесподобно выглядишь, Татьяна, не отказывай мне в удовольствии пройтись рядом с такой женщиной.

— Ну, ты жук.

— Я честен с тобой, — он окинул её взглядом, мужским взглядом, от чего Татьяна вдруг испытала желание подтянуться, что она и сделала, внутренне, внешне же она смотрела насмешливо и только ответила:

— Ты тоже, кстати, выглядишь отлично. Не будь ты Шуваловым... я бы... ой.

— Давай забудем этой ночью, что я — это я, а ты — это ты, — он немного притянул к себе женщину.

— Не выдумывай, — хлопнула по рукам.

— Попытаться-то я должен был.

— Это достойно похвалы.

Ресторан, куда их доставил таксист с характерным именем Ашот и с не менее характерным акцентом, был на побережье. Он выходил большой верандой на скалу, которая заканчивалась обрывом и светящимся в темноте ограждением, придавая окружающей обстановке какую-то таинственность из-за схожести со светом светлячков.

Шум цикад и моря не перекрикивала музыка, которая была на удивление спокойной. В углу музыканты играли мелодичный джаз. Светлые тона мебели, полога и подушек

заканчивали ансамбль, делая место уютным.

Татьяна со всеми перезнакомилась и как-то на удивление легко влилась в разношёрстную компанию приятелей Леопольда. Пока мужчины ходили «покурить», на самом деле, думала Ложкина, они просто выходили перекинуться парой-другой слов без женских ушей, Таня болтала с женщинами. Ей нравилась обстановка, нравилась еда, нравились люди и обстоятельства. Ей даже нравился Шувалов, видимо, из-за количества алкоголя она не видела в нём напыщенного павлина, а видела более чем приятного мужчину, который не только хорош собой, но и в состоянии поддержать практически любую беседу, с любым человеком, даже если этому человеку три года. Ложкина даже любовалась им и даже гордилась.

«Вот до чего пьянство доводит», — думала Татьяна, когда Лёня кружил её в танце, всё чаще поворачивая к себе спиной и прижимая к себе всё более неоднозначно. Потом его губы спускались от кромки волос к плечам и останавливались между лопаток, чтобы снова поднять выше. У Татьяны уже давно не было мужчины, а хорошего мужчины не было очень давно, поэтому её тело, да и она сама, давали более чем недвусмысленные сигналы Лёне, которыми он не преминул воспользоваться, когда сжал ягодички Татьяны, на что она, кажется, вздохнула, но было больше похоже, что заскулила.

Ложкина определённо хотела секса. И определённо с Шуваловым. И определённо ей это не нравилось. Нет, ей нравился Шувалов, и она была уверена, после нескольких простых, но умелых поглаживаний, что и секс с ним понравится, но это был Леопольд Шувалов!

Поэтому она нашла в себе силы отстраниться и сказать.

— Всё, Лёнь, достаточно.

— Таня? — он выглядел озадаченным.

— Давай не будем портить наши давние отношения семиминутным сексом, оно того не стоит.

— Откуда ты знаешь, может, стоит, — он порывисто прижал её к себе и почти поцеловал, почти — потому что Татьяна умудрилась вывернуться.

— Лёнь, нет! Мы просто пьяные. Ты хороший, и платье у меня красивое, но нет, секс ещё ни разу не закончился ничем нормальным, не будем портить себе отдых.

— Ээээ... да, ты права, Таня, прости, я... беру себя в руки.

Весь этот диалог проходил под медленную музыку, и со стороны казалось, что двое влюблённых просто переговариваются, флиртуют, чуть более развязано из-за алкоголя, но эти двое — пара, и то, что мужчина прижимает женщину, и она сначала подставляет шею под поцелуи, а потом останавливает его, говорит о том, что «не место и не время», а вот когда они доберутся домой... Во всяком случае, именно это читалось в глазах компании, которая, впрочем, быстро потеряла интерес к парочке, когда заиграла быстрая музыка, и желающие ринулись «потрясти былым».

Лёня исчез из поля зрения, Татьяна стала чувствовать усталость и лёгкую головную боль, она спросила нескольких приятелей, не видели ли они Шувалова, но те отрицательно покачали головой. На веранде его не было, как и в основном зале, не было его на площадке перед рестораном, но когда Татьяна набрала номер телефона Шувалова, она услышала знакомую трель где-то совсем недалеко, за небольшой пристройкой, и пошла на звук, уже по пути понимая, что она сейчас увидит.

По мере приближения, звук женских стонов и характерных шлепков был всё отчётливей, пока, наконец, свет уличного фонаря на крыльце пристройки не осветил приспущенные

льняные брюки Шувалова, перегнувшись через перилла молоденькую официантку, которая весь вечер не спускала глаз с Леопольда, бросая на Ложкину уничтожающие взгляды, и само «соитие», глядя на которое Татьяна испытывала сильное желание оторвать Шувалову мошонку и заставить его её съесть.

Но ни факт того, что сам Шувалов имеет какую-то официантку, приподняв её ногу для удобства, ни факт того, что сам герой торжества не видит стоящую в нескольких метрах Ложкину, ни стоны девушки, ничего из этого не смущали Ложкину (желание оторвать яички тоже не заставило Ложкину испытать столь иррациональное чувство), а вот когда, обернувшись на лёгкий шорох, Татьяна подняла глаза — она резко развернулась и рванула к стоянке такси, издали начав махать Ашоту, запрыгивая на ходу в машину. Игнорируя шум за своей спиной.

Ложкина сжала зубы, чтобы не заплакать. Расплатившись, она вышла, максимально тихо прошла в комнату на третьем этаже и быстро, в хаотичном порядке, собирала вещи в чемодан, утрамбовывая их, сминая и уже давясь слезами, как чемодан давился вещами — шортами, майками и ярким купальником.

— Таня? — Шувалов был запыхавшимся, словно он всю дорогу бежал. — Что ты делаешь?

Татьяна внимательно оглядела Леопольда, даже в этой ситуации, когда она стояла босиком, в джинсах и немного мятой белой майке, с растёкшейся по лицу тушью, он выглядел так, словно только что принял душ и оделся, только лёгкая отдышка и пара капелек пота на лбу выдавали его, но взгляд был тот же, покровительственно-высокомерный, и приподнятая бровь говорила окружающим об их ничтожестве против самого фон Хера Шувалова.

— Собираю вещи, — она последним рывком закрыла чемодан и пошла к двери, захватив Альку подмышку.

— Прости, надо было подальше уйти.

— Надо было.

Она обогнула Шувалова и открыла дверь.

— Тань, я не понимаю. Увидела, да. Неприятно, согласен, больше этого не повторится, при тебе, я имею в виду.

Ложкина молчала.

— Вообще в отпуске не повторится, торжественно клянусь — только мастурбация в душе, — он даже примирительно улыбнулся, отчего Татьяна тут же пожалела, что не оторвала мошонку...

— Делай ты, что хочешь, — она схватила влажное полотенце, которое не до конца просохло, и вытерла лицо, надеясь, что оттерла если не всё, то большую часть размазанной косметики.

— Вот и хорошо, а теперь пойдём домой, спать, — успокаивающим жестом, как несмышлёного ребёнка, пытаюсь завести в комнату.

— Шувалов, ты не понял. Ты — делаешь, что тебе хочется. Хочешь — имеешь официантку, хочешь — самоудовлетворяешься в душе, а я — еду домой, в Питер!

— Тань, не глупи.

— Иди ты на фиг.

— Танечка, — голос звучал угрожающе, Алька оцетинилась и злобно, а, главное, звонко залаяла.

— Я тебе не Танечка! Я тебе вообще никто, так что — уйди с дороги, — перешла на повышенный тон, перекрикивая Альку, которая, в свою очередь, лаяла всё громче, ей вторил обычно мирно сидящий на техническом дворе Барон.

— Да что случилось-то, Татьяна?

— Ты меня спрашиваешь, что случилось?! Ты debil, Шувалов, или только прикидываешься?!

— Значит, debil.

— Да ты имел на моих глазах официантку, а теперь хлопаешь глазами, как невинная овца.

— Фьють, — раздалось рядом. Ян, в одном белье, с взлохмаченной головой, явно только проснувшийся от шума, смотрел широко раскрытыми глазами на открывшуюся перед ним сцену и глупо хихикал.

— Ян, иди к себе, — произнёс Лёня.

— Не-а, — нагло вернул подросток, — недолго музыка играла, па. Вообще, вы хорошо играли, правдоподобно, особенно она иногда смотрит так... прям, влюблённо, жаль мало продержались. Так значит, ты не выдержал, ха! Мне Лилька тысячу должна, она была уверена, что Татьяна «встретит кого-нибудь, она такая красивая», — он закатил глаза.

— Ян, я сказал: «Иди к себе»!

— Он знал?

— Ложкина, я не тяну на звание «Отец года» даже с натяжкой, но я не стану знакомить с женщиной своего сына и врать, что это моя невеста, и в скором времени мы узаконим свои отношения.

— Ах, я и забыла, в связи с последним инцидентом, что ты у нас благородной павлин, жаль только, что под хвостом обычная жопа, — Татьяна подняла чемодан и, обогнув стоявших сына и отца, стала громко спускаться по ступеням.

— Татьяна, — Лёня уже держал Ложкину, вырвав у неё чемодан.

Они стояли посредине небольшого двора, под свисающими листьями винограда, и Ложкина выплёвывала на Шувалова всё, что она думает по поводу него, официантки и качающейся мошонки. По неизвестной причине, по щекам Ложкиной текли слёзы, и ей было обидно, сильно обидно. В общем-то, Шувалов, как всегда, был прав.

Он, Шувалов — свободный мужчина, если не считать Алёны, но с ней он «договорится сам, и это не проблема». Ложкина в категоричной форме отказалась переносить их отношения на другой уровень и, наверное, была права, поэтому Шувалов вполне мог себе позволить интрижку хоть с официанткой, хоть с официантом, если на то пошло.

И это злило и нервировало ещё больше.

— Да ты вправду debil! — взвилась Ложкина. — У тебя какая степень умственной отсталости, Шувалов? Ты вправду не понимаешь?! — краем глаза Татьяна видела удивлённые лица Аксольда и Анны-Эльзы, она видела, что и Лёня их видит... но что может остановить бегущий поезд — ничто, так и Ложкину сейчас никто и ничто не могло остановить. — Я твоя девушка! Невеста!

— Ау, Ложкина, ты мне — не девушка! Ты это прекрасно знаешь.

— Да плевать, что я знаю, эта парочка твоих приятелей, которые смотрели из партера представление «Клоун Шувалов садится жопой на ржавый гвоздь» этого не знают! И жёны их не знают тоже! Ты привёл меня в свою компанию, не мне это надо было, а тебе! Потом поймел на глазах изумлённой публики какую-то девицу, и предлагаешь мне остаться, как ни

в чём не бывало? Да ты рехнулся!

— Тань... — немного растерянно.

— Отвали с дороги, я сказала, я себя не за печкой нашла, чтобы продолжать изображать из себя то, чем я не являюсь. Прикажешь завтра при встрече мило улыбаться, как ни в чём не бывало, «да, тут с Лёничкой произошло небольшое недоразумение, он споткнулся, и его половой член воткнулся в вагину мимо проходящей девушки, ах, как мило», так?

— Леопольд... — раздалось тихое Анны-Эльзы, — как ты мог... Лёничка!

Татьяна, было, пожалела о своих словах, вернее о том, что произнесла их вслух и при родителях Лёни, но тут чья-то рука взялась за ручку Татьянинного чемодана, что ещё больше разозлила её.

— Да, что не так с этим чемоданом! Поставь его на место.

— Татьяна, мой сын вёл себя возмутительно, за что я прошу прощения от всей нашей семьи, но, откровенно говоря, ваша идея уехать прямо сейчас неосуществима. Ближайший поезд, который будет, идёт в Ханты-Мансийск.

— Ханты-Мансийск, — остановилась и дёрнула чемодан на себя, — звучит как музыка. Ханты мать его Мансийск! Уеду к еб@@@м в Ханты-Мансийск, и буду там жить долго и счастливо, среди вечной мерзлоты, чтобы не видеть больше работу свою скотскую, квартиру, размером с задницу черепахи, и самодовольную рожу Шувалова.

Она ещё, что-то кричала, пока Аксольд понимающе гладил Татьяну по плечам и с укоризной смотрел на сына.

— Таня, — Лёня сделал шаг вперёд. — Танечка, прости меня, я не подумал... я совсем не подумал, Танюша, прости, я воспользовался твоей ситуацией, твоим добрым сердцем, я воспользовался всем этим, даже не подумал об элементарном, дав волю своим низменным...

— Да! Ты! — и Ложкина взвилась. Она плакала, кричала, Алька снова лаяла, Барон её подвывал, Анна-Эльза держалась за сердце, Аксольд держал Анну-Эльзу, в окнах гостевого дома стал зажигаться свет, у Ложкиной закружилась голова от слёз, обиды, унижения, которое она испытала, глядя на приятелей Лёни, от собственного крика, пока вдруг всё не стало невыносимо тихо. И сладко. И немного жарко.

Она понимала, что Лёня целует её. Не жадно, не властно, не робко, не предъявляя права, просто целует, как констатирует факт, и у Татьяны подкашивались ноги от того, как его губы накрывают и, не изучая и пробуя, берут своё, как мгновенно его язык завладевает инициативой. И, сквозь звенящую тишину, она услышала мужской стон и свой, сдавленный, перемешанный со всхлипом.

Через пару минут, оценив ситуацию, Ложкина отпрыгнула от Шувалова, выныривая из морока.

— Да как ты смеешь! У тебя ещё герпес на губах не обсох! — с этими словами Ложкина схватила первое, что попало ей под руку — увесистую кулинарную книгу Анны-Эльзы, — и опустила её на плечо Шувалова.

— Аня?!

Ложкина оказалась рядом с растерянным Аксольдом и оседающей в его руках Анной-Эльзой.

— Диагноз её, быстро! — тоном, не терпящим возражений, но всё, что услышала, это:

— Аня, Анечка.

— Быстро, все препараты, что у неё в комнате, — она кинула это вслед Шувалову, который так же мгновенно сориентировался в ситуации, и на обратном пути, когда Ян

принёс тонометр, приготовил таблетку и всё, что полагается.

Они работали с Ложкиной практически молча, понимая друг друга без слов, через пятнадцать минут Анна-Эльза отправилась в комнату в сопровождении мужа, сына и перепуганного внука, но там потребовала Татьяну, и оставить их наедине.

— Простите меня, — повинулась Ложкина. — Всё это было плохой идеей, но, в любом случае... эта сцена, что я устроила... возмутительна.

— Ничего, деточка, ничего страшного, — Анна-Эльза протянула руку. — Однажды я только заподозрила Аксольда, хотя он мне и повода за всю жизнь не дал, но, поверь мне, моё поведение было куда более возмутительным, ты оставила моего сына живым и спасла мне жизнь.

— С вами ничего страшного не случилось бы...

— Я лучше знаю, деточка, — Анна-Эльза улыбнулась, — сегодня ты порадовала моё сердце, и теперь я абсолютно спокойна за своего мальчика. Пообещай мне, что останешься до конца своего отпуска, ты такая чудесная девушка, сделай старухе приятно.

— Какая же вы старуха!

— Так останешься?

— Хорошо... — Ложкина очень хотела уехать, но Анна-Эльза была приятной женщиной... и очень убедительной.



Утро следующего дня началось слишком рано, с головной боли и отёкшего лица. Татьяна умылась как можно более холодной водой, морщась и недовольно фырча, и спустилась вниз, чтобы проведать Анну-Эльзу.

Там она встретила уже спокойного и, как всегда, по-деловому собранного Аксольда, который молодежavo улыбнулся и ещё раз поблагодарил за оказание помощи его «душечке», а так же извинился за поведения своего сына. Обойдя при этом деликатную тему вчерашнего поведения Татьяны и её обман.

Анна-Эльза чувствовала себя хорошо и была готова заняться своими обычными обязанностями, но Ложкина авторитетно заявила, что это невозможно, и она лично проследит, чтобы Анна-Эльза хотя бы несколько дней придерживалась постельного режима.

— Как же тяжело быть единственным не врачом в доме, — сокрушалась женщина, — вот и Леопольд зашёл с утра и прописал покой...

Ложкина проигнорировала имя Леопольд и молча нащупала пульс, заметив, что он немного выше нормы.

— Он поехал в аптеку, — продолжила Анна-Эльза.

Ложкина молчала, решив ещё раз измерить артериальное давление.

— По словам Аксольда, он ночевал в столовой, на раскладушке, но сегодня он переберётся в номер в гостевом доме... там есть небольшое помещение, мы редко его сдаём, окно выходит на пищеблок, к тому же оно тесноватое, но Леопольду будет достаточно места.

— Я могу туда перебраться, — тихо сказала Татьяна, — так будет честней.

— О чём ты, Танечка, ты наша гостья, и, как гостье, тебе полагаются лучшие условия. Леопольд — мужчина, так что в состоянии довольствоваться малым.

Татьяна ухмыльнулась про себя, решив промолчать про машину, квартиру в удобном районе и калиброванных Алён этого мужчины.

Пару дней прошли в напряжённом молчании между Ложкиной и Лёней. Каждый день, ближе к обеду, как раз к её пробуждению, он приносил Татьяне завтрак в постель, она щурила полусонные глаза, но почти покорно съедала омлет и небольшие, ровно прожаренные кусочки мяса или бекона. Завершая свой завтрак кофе с круассаном и виноватым взглядом Лёни — самым вкусным.

— Ложкина, я был неправ, обещаю исправиться, я уже исправился, — увещал каждый раз Лёня.

И каждый раз Ложкина одаривала Шувалова поистине королевским молчанием, которое ей начинало надоедать. Ей всегда нравилось общаться с Лёней, он был хорошим собеседником и слушателем, даже лучше Альки, которая тоже умела слушать.

К обеду третьего дня, когда все уже поели в почти гробовой тишине, под звуки вздохов Анны-Эльзы и корректного покашливания Аксольда, раздался сигнал авто.

Ложкина подняла взгляд и увидела Олега — приятеля Шувалова, который тоже стал свидетелем сцены с официанткой. Татьяна тут же занялась ремешком на босоножке. Делом, не терпящим отлагательств. Сначала она пыталась оторвать тонкую тесёмку из кожи, а потом думала, как её пришить, и зачем она вообще нанесла ущерб своей обуви, когда единственный, кто заслуживал ущерба, шёл с лучезарной и гостеприимной улыбкой навстречу Олегу, приглашая в дом.

Анна-Эльза засуетилась, но Татьяна быстро осадилась женщину и, на всякий случай, измерила ей пульс, строго подняв бровь.

— Танечка, — пропела Женя, жена Олега, крашеная блондинка, немного полноватая, но её это не портило, — мы приехали пригласить вас на шашлыки.

При этом глаза Жени бегали с лица Татьяны к лицу Лёни, и она явно искала следы скандала. «Сучка», — резюмировала про себя Ложкина.

— Спасибо, — сказала вслух, — у меня, вот, — показала на оторванную тесёмку.

— Вы немного не вовремя, — тихо проговорил Лёня, но Ложкина услышала и продолжила медленно, чтобы не пропустить ничего, отходить от компании, но потом развернулась и встала рядом, мысленно отправляя Женю и, заодно, её мужа прогуляться... прям туда.

— Но почему же, — не унималась Женя, — у нас там пикничок такой замечательный намечается.

— Я занята, — отрезала Татьяна, — а он может идти, — махнула в сторону Шувалова, подающего глазами сигналы SOS своему приятелю.

— Спасибо, — раздался почти величественный голос Шувалова, «спасибо» было произнесено так, что даже у совсем недалёкого человека не останется сомнений в том, кто кому делает одолжение этим «спасибо», — но это исключено. Я — наказан. И, думаю, лучше Татьяну не злить.

Татьяна, которую лучше не злить, остановилась и в удивлении посмотрела на Шувалова в поисках признаков теплового удара.

— Мы думали, у вас всё на мази, — шепнул Олег, — вы... ну, нормально смотрите, как не...

— Это видимость, — продолжил Лёня, — на самом деле у меня испытательный срок, и если я его нарушу, то Татьяна уедет, а я пообещал ей отдых. Поэтому я сейчас проживаю в восемнадцатом, — тут Олег присвистнул, — и абсолютно точно не поеду никуда без одобрения Татьяны.

— Да ты каблук, — засмеялся Олег, но как-то не зло.

— Да, — согласился Шувалов, — я виноват, и в моих интересах...

— Я фиגעю на этом паровозе.

— А не могли бы вы продолжить фигеть в другом месте, — не выдержала Татьяна.

Ей, конечно, нравилось, что Леопольд подчёркивал свою вину, но на самом деле и она, и Лёня знали, что никакой особой вины фон Хер Шувалова в сложившейся ситуации не было, и этот цирк стал надоедать Ложкиной.

Татьяна сидела на качелях и в задумчивости смотрела на гладь бассейна, которая была небесно-голубой.

— Может, ты хотела поехать? — Леопольд разглядывал лицо Ложкиной, словно там был скрыт секрет превращения свинца в золото.

— Нет, — отрезала Ложкина, она точно не хотела общаться с Олегом и изображать из себя «пару в ссоре», — но ты мог бы и поехать, неудобно как-то...

— Татьяна, — Шувалов поморщился, — не думаю, что... да и что я там не видел, собственно, или кого?

— Может, подвернётся пара официанток, — не смогла не съехидничать Ложкина.

— Это да, — усмехнулся фон Хер Шувалов. И Ложкина закатила глаза.

У Ложкиной никогда не было сомнений в способностях Лёни.

— Татя, раз уж ты со мной разговариваешь... — аккуратно начал Шувалов.

— Кто тебе сказал? — набычилась Татьяна.

— Я вижу, — Леопольд показал на свои глаза, — давай, я тебя свожу... куда-нибудь.

— Куда? — заинтересовалась Ложкина.

Как бы она ни злилась на Шувалова, а больше — на себя, провести остаток отпуска в напряжённом молчании ей не хотелось. В конце концов, не представь Лёня её своей девушкой, Татьяна бы посмеялась над сложившейся ситуацией, ещё там, за углом ресторана, она даже, Татьяна была в этом уверена, дала бы пару советов или отпустила ехидное замечание, не сходя с места.

— Придумаем что-нибудь, куда глаза глядят.

— Отличный план.

И они уселись в не менее презентабельное авто, чем сам хозяин, и направились «куда глаза глядят».

Они сначала смотрели в сторону моря, Шувалов привёз Татьяну на «дикий пляж», к которому пробираться надо было по узкой тропинке, вдоль колючих кустов и изгороди заброшенного, времён Советского Союза, санатория.

Ложкина, уже привыкшая к видам моря, всё равно буквально остолбенела от переливов ультрамарина, кобальта и лазури всех возможных оттенков.

— Если не смотреть за спину, — Шувалов подвёл Татьяну к краю обрыва, довольно крутого, — то вид, как на Сейшелах.

— Ты был на Сейшелах?

— Был, — Лёня пожал плечами, а Ложкина попыталась представить, что она на сказочных островах. Получалось плохо, но вид от этого не становился хуже.

— Пойдём? — Леопольд галантно подал руку и пригласил к сомнительного вида лестнице, которая крепилась ржавыми крюками прямо к скалистой породе и уходила вниз, к песчаному берегу.

— Ты с ума сошёл? — Ложкина глянула с сомнением на лестницу.

— Похоже на то, — фон Хер Шувалов странно посмотрел на Ложкину, и она почла за лучшее отвернуться и почему-то не стала спорить, а просто ступила на оказавшуюся весьма устойчивой лестницу.

— Раньше делали на совесть.

— Чьё это здание? — поинтересовалась Татьяна, кивая на дом, заросший кустами и деревьями, как в фильмах про апокалипсис.

— Не знаю, — Шувалов пожал плечами, — когда мы только переехали, тут был какой-то санаторий, потом говорили — его выкупили, ещё раз выкупили...

— Тут очень красиво, странно, что такое место пустует.

— Тут красиво, потому что пусто, Танюш. — Шувалов легко спрыгнул с последней ступеньки и подал руки своей спутнице, по какой-то причине ему показалось мало придержать девушку за руку, он приподнял её, удерживая одной рукой за талию, и только потом поставил её ноги в тёплый, даже горячий песок. — Тут бывают только местные и постоянные отдыхающие, и то нечасто. Неудобный подъезд, сама видела, идти далеко, да и мороженое с пивом не продают.

— Да уж, как же без мороженого, — хихикнула Ложкина.

— Да уж, а не помешало бы освежиться.

Шувалов быстрым шагом прошёл к кромке воды, на ходу раздеваясь, и тут же ринулся в

воду. Его примеру последовала Ложкина.

Они долго разговаривали под палящим солнцем и катались на волнах, находясь в самый разгар пляжного сезона, недалеко от популярнейших пляжей, при этом в полном одиночестве.

Шувалов умел удивлять. За этот, грозивший стать бесконечным, день, он ещё пару раз удивил Ложкину. Когда появился катер, как оказалось, вызванный Шуваловым, и они долго плавали в чистой воде, вдали от береговой линии. И когда, немного обгоревшую и уставшую Татьяну отвёз в ресторан, расположенный в тени деревьев, с видом на небольшой водопад, при этом «беседка» каким-то образом оказалась в отдалении от основной массы отдыхающих.

Если Шувалов ставил своей задачей соблазнить Татьяну, подумала вдруг Ложкина, он бы наверняка этого добился. Её никогда не удивляло количество калиброванных Алён в жизни фон Хер Шувалова, но теперь всё и вовсе становилось на свои места. В природе просто не могло существовать Алёны, которая устояла бы перед этим мужчиной. И это, Ложкина была уверена, он ещё не включал на полную мощность свою кобелиную натуру, «харизму», не для чего.

— Послушай, всё-таки надо с ними основательно поговорить, — сказала Ложкина, когда авто въехало во двор, и свет от фар осветил парочку Яна и Лили, которые уже успели отсесть друг от друга на приличное расстояние, однако вид обоих был не только смущённый, но и красноречивый.

— Хорошо, — Шувалов на редкость быстро согласился с Ложкиной и, открыв ей дверь, направился в сторону сына с подружкой.

Они немного поговорили о «погоде и природе», после чего Лиля попрощалась и двинулась в сторону калитки — домой.

— Ян, зайди потом ко мне, — кинул вслед Шувалов и, дождавшись утвердительного кивка, пошёл в сторону дома, проведать Анну-Эльзу, которая на все звонки сына в течение дня бодро отвечала, что чувствует себя превосходно, и клялась, что «не сдвинется с места без разрешения своего мальчика и Танечки».

Конечно, обещание она своё нарушила и даже не пыталась этого скрывать.

— Твой отец, — объяснила она спокойно, — абсолютно беспомощный, в некоторых аспектах бизнеса, человек, а я прекрасно себя чувствую и не собираюсь терять время на болезни.

Леопольд улыбнулся Анне-Эльзе, но спорить не стал.

Татьяна поднялась к себе, приняла душ, намазала себя кремом и даже вышла погулять с Алькой, которая уже отлично освоилась на чужой территории и, похоже, считала её своей, а фон Хер Шувалов всё ещё беседовал с вернувшимся раньше сыном.

Ложкиной было интересно, но она держалась вдали, а потом и вовсе притихла, взяв на руки собаку, которая тут же уснула, и слушала цокот цикад.

Ей было на редкость спокойно, несмотря на усталость от длинного и насыщенного дня.

Это было немного странное чувство, Ложкина всегда волновалась. О том, как пройдёт следующая смена или прошла предыдущая, она волновалась, успеет ли на метро, успеет ли оплатить телефон или интернет, у неё часто всё было в последний момент, иногда Ложкиной казалось, что она начала бежать какой-то бессмысленный марафон, и она уже не помнит, куда и зачем она бежит, но сегодня вечером она остановилась.

Конечно, она не переосмысливала свою жизнь или ещё что-то в этом роде, просто

впервые за долгое время Ложкиной не нужно было спешить и даже думать.

Это состояние было временным, но понравилось Татьяне. Шувалов, как и обещал — устроил ей отличный отпуск, и она, наконец-то, почувствовала себя на самом деле отдохнувшей.

Ну, что? — спросила Ложкина подошедшего Шувалова.

— Что «что»?

— Поговорил?

— Как видишь, — он развёл руками.

— И?

— Татьяна, я не стану говорить с тобой об интимной жизни своего сына.

— Ах, ну да, «трепет первых прикосновений», — Ложкина фыркнула.

— Типа того.

Ложкина замолчала, положив голову на плечо Шувалова, он только обнял девушку, и она, почему-то благодарно, закрыла глаза и слушала ночь и дыхание мужчины рядом.

— Я почему-то не хочу спать, — сказал Шувалов тихо, — составишь мне компанию?

— Только у меня в комнате, а то прохладно, — зевнула Ложкина, но согласилась.

— Ты перегрелась немного, вот и знобит, пойдём.

В комнате, сидя на огромной кровати, утопающей в лунном свете из открытого окна и ворохе белых покрывал и простыней, Татьяна смотрела на Шувалова, который стоял посередине и рассказывал нечто увлекательное, малость фривольное и немного личное.

— Да просто секс должен быть разнообразным, — спорила Ложкина, — иначе любые отношения скатятся к нулю.

— Секс просто должен быть, — отрезал Шувалов.

— Ну, конечно, медленно, печально, в миссионерской позиции! — Ложкину передёрнуло.

— Ты так возмущаешься... а что ты имеешь против этой позиции?

— Это скучно, — сказала Татьяна, — просто поза унылого бутерброда.

— По-моему, это довольно удобная позиция, при которой партнёры имеют возможность дополнительной стимуляции друг друга, к тому же присутствует визуальный и тактильный контакт.

— Ой, сейчас заплачу, тактильный контакт...

— Он самый, Татьяна, важно ласкать женщину во время секса, и эта, так не любимая тобой позиция, открывает массу возможностей в этом плане.

Сама Ложкина сидела на кровати, подобрав под себя ноги, в короткой хлопковой рубашке, и смотрела на Леопольда в одних шортах. Загар делал его ещё привлекательней и даже притягательней.

— Знаешь, я только сейчас поняла, почему ты постоянно менял своих калиброванных Алён, это они тебя бросали, ты же зануда, даже в сексе, — Ложкина фыркнула.

— Ну, знаешь, что... Ложкина, это уже слишком, даже для тебя. Значит, говоришь, миссионерская позиция скучна и не может принести удовольствие?

— Скучна, — подтвердила Ложкина, — а удовольствие может принести если только с голодухи, и то, вяленькое такое... пффф, а не удовольствие.

— Ты хочешь секса? — вдруг спросил фон Хер Шувалов, Ложкина аж подпрыгнула от неожиданности, но прислушалась к себе.

— Нет, очевидно, нет, — ответила честно, как есть.

— Значит, никакой «голодухи» ты не испытываешь?

— Нет, — она смотрела с подозрением на Шувалова, — ты чего это?

— Мы сейчас займёмся сексом, — заявил Шувалов, — в миссионерской позиции, и посмотрим, насколько это занудно на самом деле, — добавил решительно.

— Вообще-то я не люблю тебя, — так же решительно заявила Ложкина.

— Татьяна, — Шувалов посмотрел на Ложкину так, что даже простынь под её попой поняла всю абсурдность этой фразы, — когда тебя это останавливало?

— Какое, однако, нелицеприятное утверждение, фон Шувалов.

— Я не отказываю тебе в здравомыслии, это комплимент.

— Ах, ну да. Давай. — Ложкина внимательно посмотрела на Леопольда, как бы примеряя на него новую роль. Надо заметить, что роль села отлично, как будто так и было задумано, пока он медленно подходил к кровати, Ложкина мысленно раздела мужчину и осталась довольна. Тем более что сам Леопольд не стал долго думать и снял одним движением шорты, под которыми не оказалось белья...

Ложкина только ойкнула и в тот же момент оказалась вжата в матрас.

— Да? — уточнил Шувалов.

— Да, — подтвердила Ложкина и вцепилась руками в простыни, она была намерена доказать, что Шувалов зануда, и посему отвечать на его ласки не торопилась.

— Ты ведь не собираешься сделать мою задачу легче? — услышала у своего уха, и следом почувствовала лёгкие поцелуи на шее, груди и вокруг сосков.

— Нет, — она подавила собственный судорожный всхлип.

— Я так и думал, — в это мгновение, почему то уже оказавшаяся расстёгнутой рубашка отлетела в сторону, и Татьяна грудью ощутила горячее тело Лёни, а внутренней стороной бедра — эрекцию мужчины.

Его поглаживания были лёгкими, как и поцелуи, потом они плавно перетекали в более грубые и даже властные, так, что Ложкина забывала, что на самом деле она не собиралась отвечать Шувалову. Её тело отвергало план Татьяны, тело наслаждалось ласками и наглостью Лёни, подстраивалось под него и отвечало полной взаимностью.

Телу Ложкиной нравился Шувалов, и оно было радо тому, что самому Шувалову, похоже, очень даже нравилось тело Ложкиной и даже, что было странно — и сама Ложкина. Она чувствовала себя не только особенной, она ощущала себя единственной на всём белом свете, даже удивительной.

— Э, нет, — остановила Леопольда, когда его губы опустились очевидно ниже линии талии, — мы договаривались не об этом, — сама себя ругая за принципиальность.

— Нет, нет, нет, — усмехнулся Шувалов, когда Татьяна решила, вопреки договору, быть сверху, и она снова оказалась на спине.

Она даже поскуливала в нетерпении, а потом стонала, когда Лёня медленно входил в Татьяну. Она вздыхала и тяжело дышала, когда он менял угол и амплитуду, а потом, когда угадывались её желания — она могла только отвечать, а в конце, на пике, закричать громко, проигнорировав открытое окно.

— А теперь всё будет по-взрослому, — заявил Шувалов, когда закрыл окно, и нагло улыбнулся.

— Я уже кончила, — пискнула Таня.

— Я ещё даже не начинал.

И он начинал и начинал. И ни разу за всю ночь не изменил миссионерской позиции, и

Ложкина поняла, как сильно ошибалась на счёт неё и Шувалова.

**от автора: Ура, ура, товарищи! У этой парочки даже первый секс мог произойти исключительно на спор и из вредности характера Ложкиной)))**

Ночь прошла, как в зыбком, рябком сне. Под утро, уже в полусне ощущая лёгкие поцелуи в висок и щёку, Татьяна всё же уснула, а когда проснулась, не поняла, который час.

Почувствовала только поцелуи и капли воды на шее и по спине. Просыпаться окончательно не хотелось, она зарылась носом в подушку и пробурчала недовольно.

В ответ почувствовала на своей груди руки Лёни, которые выводили круги, не задевая всё ещё чувствительных сосков, перемещаясь к низу живота, давая понять о намерениях Шувалова.

— Эй, — Ложкина недовольно заворочалась и попыталась отстраниться.

Время «пари» прошло, и как бы ни было приятно продолжение, оно не слишком укладывалось в сценарий Татьяны — хорошо отдохнуть. Секс по дружбе, по её мнению, был невозможен, и если одну ночь можно списать на стечение обстоятельств, то продолжение уже сложно чем-то оправдать.

— Давно хотел тебя такую, — услышала фон Хер Шувалова.

— Какую?

— С утра, сонную, мягкую, податливую, — совсем легко провёл по соскам, и Татьяна вздохнула.

— Давно хотел?

— Уфу... считай, с первого дня, как стал просыпаться с тобой в одной постели.

— Это не ты, это утренняя эрекция.

— Таня, не говорите ерунду, доктор, — и он продолжил поглаживать податливую, полусонную Ложкину, которая решила не сопротивляться, а, лавируя где-то между сном и реальностью, просто отдавалась умелым ласкам Леопольда.

Совсем немного поёрзала и устроила удобней подушку под животом.

— Так лучше? — спросил Лёня.

— Да, — коротко ответила.

Он без слов развёл коленом ноги Татьяны и вошёл, не резко, но настойчиво, останавливаясь на секунды, чтобы проверить реакцию и продолжить поступательные движения, выйти и снова настойчиво войти, и ещё раз, и ещё, приподнимая женщину на себя, пока всё, что смогла Ложкина — это закинуть руки назад, хватаясь за плечи и шею Лёни, давая тем самым полный доступ к своему телу, пока амплитуда становилась сильнее и сильнее.

— Ты кончишь? — хрипло.

— Я не знаю, — сумела прошептать Ложкина.

— Понятно, — Лёня аккуратно замедлил темп, лёг на спину, придержал Ложкину, и парой движением пальцев и синхронными фрикциями заставил Татьяну признать своё поражение, которое она ознаменовала победным крепким словом под приглушённый смех фон Хер Шувалова.

— Надо вставать, — произнёс Шувалов, когда отдышался, пробегаясь мелкими поцелуями по плечу Тани.

— Это ты мне? Или?.. — Татьяна посмотрела выразительно на то, что было прикрыто простынёй.

— Ехидная ты, Ложкина, — улыбнулся, как умел только он — снисходительно и даже



по-королевски, фон Хер Шувалов.

— Нет, я просто люблю точные формулировки.

— Отлично, вот тебе точная формулировка. Сейчас без пятнадцати два, скоро обед, вставай, одевайся, мама ждёт.

Анна-Эльза накрывала к столу в одно и то же время, и крайне не любила, когда кто-то, без уважительной причины, не являлся к обеду в установленный час.

— Ладно, — Татьяна попыталась встать, закутываясь в простыню.

— Тань, — Шувалов рассмеялся, — вообще-то, я тебя видел.

— Ну и что, — пробурчала Ложкина под уже громкий, но на удивление доброжелательный смех Лёни.

— Потом нам надо съездить в город, — сказал уже на лестнице Леопольд, когда спускался рядом с Татьяной, обнимая её за талию и даже прижимая к себе.

— Зачем?

— Утренний презерватив был последним, — Шувалов заговорщицки прошептал на ухо, не забыв поцеловать рядом и переместиться со щеки на шею.

— Упс, — услышали насмешливое Яна.

— Вопросы? — ухмыльнулся Леопольд, а Ложкина покраснела, и от осознания этого факта покраснела ещё больше и попыталась отпрянуть от Шувалова.

Вся правда, как она есть, свалилась на голову Татьяны в одночасье, вместе с «Упс» сына-подростка фон Хер Шувалова.

Она закрутила интрижку со своим приятелем, и это не может закончиться ничем хорошим... Отлично, если это закончится вместе с отпуском, а если раньше?

— Эй, эй, эй, — услышала на ухо, — я не собираюсь делать вид, что ничего не было. — Лёня развернул к себе Татьяну и заглянул ей в лицо.

— Обязательно это демонстрировать? — в раздражении, Татьяна показала на то место, где секундой назад стоял Ян.

— Нет, просто достаточно не скрывать, — отрезал Шувалов, и Ложкина почему-то не нашла в себе желания спорить, объяснив это тем, что потом она разберётся... потом, не сейчас же, перед обедом, заходя в столовую.

Там вовсю суетились Анна-Эльза и Лиля, и сам Аксольд был на подхвате. Ян что-то шепнул Лиле, и та, широко раскрыв глаза, посмотрела на Татьяну, а потом быстро отвела взгляд.

Анна-Эльза была, как никогда в хорошем настроении, она улыбалась, светилась и шутила, иногда бросая довольные взгляды на сына и редко — на Татьяну, казалось, она не хотела её смущать.

Но Ложкина всё равно смутилась и промолчала почти весь обед, который показался ей на редкость вкусным, и она даже не сразу заметила, как сам Лёня перекладывает ей в тарелку кусочки оранжевого перца — по мнению Ложкиной, он был вкуснее всех остальных цветов, — ровно прожаренные небольшие куски рыбы и даже дольку лайма. На молчаливый взмах Анны-Эльзы в сторону плиты, где точно имелась добавка, Лёня молча улыбнулся и покачал головой, переложив в тарелку Тани ещё один кусочек рыбы. Анна-Эльза же переглянулась с Аксольдом и просияла в ответ на его улыбку.

— Ой, — пискнула Ложкина и посмотрела на Леопольда, пытаясь отодвинуть свою тарелку, но увидев, как подмигивает Шувалов, смогла только промолчать и продолжить есть.

Обед и вправду был на удивление вкусным.

Прогуляв почти до вечера, уставшие и довольные, Татьяна и Лёня сели на скамейку, Ложкина, не церемонясь, скинула босоножки на высоком каблуке, которые она зачем-то надела, и Лёня закинул её ноги к себе на колени и начал массировать ловкими и умелыми пальцами.

— Что ты делаешь, люди же! — возмутилась Ложкина, не слишком убедительно, потому что Лёня только пододвинулся ближе и перехватил ноги удобней. — Лёоооня.

— Какие люди, Тань? — он окинул глазами небольшой парк, в котором они сидели на ярко-белой лавочке, возле тропинки, где отдыхающие шли на море и обратно. — Этот мужик в трусах? — Татьяна посмотрела на полного «беременного тройней» мужчину, который, обливаясь потом, топал в сторону пляжа, неся большую пляжную сумку и зонт. — Или эти? — Навстречу мужчине семенила семья, у кого-то была надета только футболка, у кого-то брюки, причём сырые в районе плавков. Кто-то шёл босиком, а кто-то в сланцах, никому не было дела до того, в каком виде преодолевают расстояние от моря к дому и обратно отдыхающие.

— Это курорт, — Шувалов улыбнулся, — отдыхай, Танюша.

— У нас типа курортный роман? — решила внести ясность Татьяна.

— Можно и так назвать.

— А поточнее?

— Обязательно классифицировать?

— Нет, но хочется внести ясность.

— Жуй мороженое, растает, а там, глядишь, и ясность внесётся, — с улыбкой ушёл от ответа фон Хер Шувалов, и Татьяна как-то быстро согласилась с этим.

День был странным, длинным, жарким и даже томным, и было непонятно — жара лилась с неба или от мужчины рядом, но определённо и то и другое нравилось Ложкиной, а что будет потом... так ли это важно прямо сейчас?

Лёня всегда был приятным собеседником, хорошим приятелем, даже другом. Он всегда находил тему для разговора, общие интересы и точки соприкосновения, он умел не ставить собеседника в неловкое положение даже во время споров, а спорить Ложкина любила. Он был внимательным и галантным, сдержанным и воспитанным.

У Шувалова была масса достоинств, которые позабылись, но сейчас Татьяна словно открывала их вновь. Но и новые черты открывались Тане — он был игривым, в буквальном смысле, нарочно заигрывая с Ложкиной, флиртуя, порой на грани фола, и она была уверена, что мало кто может рассказать анекдот с намёком, при этом практически раздев свою собеседницу глазами, добиваясь её взаимности. Он был нежным, не жадным на объятия и поцелуи. Всегда корректно, вовремя, сдержанно, но с очевидной страстью. Как всё это умещалось в одном фон Хере Шувалове, Ложкина не знала, и знать не хотела, она хотела насладиться морем, солнцем и Лёнью, а потом...

У неё давно не было сколь-либо серьёзного романа, и хотя никакие постоянные отношения в перспективе не радовали Ложкину, она видела в них лишь массу проблем и гарантированное разочарование, ей всё равно хотелось чего-то... острого, безумного, и почувствовать себя влюблённой, особенной и даже единственной. А Лёня, как оказалось, умел это делать.

Так что Ложкина не стала себе отказывать в курортном романе с Шуваловым.

К удивлению Татьяны, когда начало темнеть, они пошли не в сторону машины, а в сторону пляжа, где их ждал небольшой катер, тот же, который арендовал Лёня накануне.

Ложкина уселась на сиденье и в удивление смотрела на невозмутимого Шувалова, который накидывал на плечи девушки плед, кутая её и себя, присаживаясь рядом.

— Ветер может быть прохладным.

— Как договаривались? — широко улыбнулся «капитан»

— Как договаривались, — подтвердил Лёнька.

— Сюрприз? — догадалась Ложкина.

— Надеюсь, — прошептал в макушку Лёня, и Ложкина не стала уточнять, не захотелось.

Они пришвартовались почти в темноте, Шувалов выпрыгнул прямо в воду и поднял на руки Таню, чтобы пронести её до кромки и поставить на влажные песок, прямо под шелестящую и набегающую, тёплую, как парное молоко, гладь воды.

Это был тот же пляж, на котором они были вчера, это Ложкина поняла по очертаниям скалы, выступающей в море.

— И что мы тут будем делать?

— Мы проведём здесь ночь.

— Офигительный сюрприз, — Ложкина даже присвистнула от неожиданности, а Лёня что-то сказал, она сразу не расслышала, только поняла, что её бесцеремонно отворачивают в сторону моря и не дают повернуться к берегу.

Она слышала шёпот и даже смех за спиной, который был знакомым, очень знакомым, и почти взвизгнула, когда узнала его, в недоумении замерев и уставившись на чёрную гладь моря.

— Можно смотреть, — это был явно голос Яна, в этот момент Шувалов перестал держать Татьяну и развернул её к берегу, где по пляжу были расставлены свечи в стекле, они колыхались на лёгком морском бризе, какие-то гасли, но большая часть бодро горела и освещала свой клочок пространства вокруг. Сами же свечи были выставлены в форме сердец, отчего Ложкина, как ей показалась, чуть не потеряла глаза, а потом, в виде стрелы уводили куда-то за огромный валун.

— Ну? — Ян переступил с ноги на ногу и неуверенно посмотрел на отца, а потом на Ложкину.

— Это замечательно, парень, то, что надо.

— Да, да, — подтвердила Ложкина, удивляясь, что может разговаривать.

Лиля махнула рукой, и Татьяна, в сопровождении двух Шуваловых, двинулась между свечей, находя этот пейзаж столь же глупым, сколь и романтичным, таким, что она была готова расплакаться. Никогда она не тяготела к романтике, не мечтала об ужине при свечах или ванне с лепестками роз, но никто никогда и не делал ничего подобного для Татьяны. В самом лучшем случае её ждал дежурный поход в кино или театр, потом кафе или ресторан, да и это Ложкина считала напрасной тратой времени... Но сейчас, смотря немного с возвышения на пляж, уставленный свечами в виде сердец, на импровизированный стол за огромным валуном, накрытый белой скатертью и столовыми приборами, с парой свечей побольше, более ярких, и даже ведёрко с бутылкой шампанского в нём, лёд уже растаял, но...

Не меньше удивили и даже обрадовали Татьяну несколько одеял, пара подушек и её же одежда, сложенная ровной стопочкой.

— Одежду Лиля собирала, с ба, — пояснил Ян, — нуууу, чтобы не замёрзла, — добавил, и Ложкиной показалось, что он еле сдержал смех. — Палатка там, — он махнул рукой в сторону, где горел небольшой костерок, — мы пойдём?

— Идите, спасибо, Ян, и спасибо, Лиля, ты настоящая молодец, уверен, мой парень без тебя бы не справился.

— Спасибо, — проговорила зардевшаяся Лиля.

— Вы есть-то не хотите? — Фон Хер Шувалов покосился на внушительную корзинку для пикника, которая стояла рядом со столом.

— Не-а, ба нам столько еды дала с собой, — проговорил Ян.

— Словно мы на неделю собираемся, — добавила Лиля.

— Мы пошли? — ещё раз уточнил Ян.

— Идите, и смотри, аккуратней там, — Лёня показал куда-то в сторону скалы с лестницей.

— Куда это ты их отпустил, — возмутилась Ложкина, — тут до города чёрте сколько!

— Тань, я похож на идиота? Их там Олег ждёт, который и привёз их сюда вместе со всеми этими украшениями, он же и помог всё устроить, но, по моей просьбе, удалился с твоих глаз.

— А мог сына не подключать? — Ложкина стала подбоченясь. — Просто представление для четырнадцати девочек и трёх мальчиков устроил.

— Мог, конечно, но парню полезно увидеть некоторые вещи своими глазами.

— Какие это?

— Что не зазорно ухаживать за женщиной, делать ей сюрпризы, большие и маленькие, что романтика — это не «ми-ми-ми», — тут Шувалов закривлялся так, что Ложкина засмеялась, — а то, что мужчина может сделать для женщины. По итогам беседы, так сказать...

— Так это воспитательный момент?

— Если тебе так угодно, — усмехнулся, — прошу к столу, — он галантно подал руку и даже отодвинул стул, потом достал то, что было в корзине, и накрыл на стол.

Ложкина наслаждалась едой, запахом моря, отблесками свечей и вкусом шампанского, уже второй бутылки, видимо от этого Шувалов становился всё ближе и даже как-то роднее. В голове Ложкиной стали появляться странные, даже крамольные мысли.

«А что, если это любовь?»

И даже, что ещё смешней:

«А вдруг мы поженимся?»

И самое абсурдное:

«А может, Шувалов в меня влюблён?»

Но вслух она, конечно, этого не сказала, до такой кондиции Ложкина пить не умела, нет, выпить она столько могла, но говорить при этом — уже нет.

— Вот скажи мне, Шувалов, — спросила Татьяна и поправила тёплую толстовку, протягивая свои ноги Лёне.

Они уже переместились в сторону покрывал, одеял и подушек, и устроились с максимальным комфортом. Особенно комфортно было ногам Ложкиной и рукам, ещё спине и даже шее... всему, до чего дотрагивался Лёня.

— Скажи мне, ты был когда-нибудь влюблён? По-настоящему?

— Может, я и сейчас влюблён, — подразнил Лёня.

— Ага, поэтому наставляешь сейчас рога своей Алёне, романтик от слова худо.

— Чтобы ты знала, я не наставляю никому рога.

— А как это называется?

— Мы расстались с Алёной.

— Ты не говорил.

— К слову не пришлось...

— Почему? Она такая... красивая и, кажется, умная и, кстати, талантливая, те фотографии были классными. Вы поругались?

— Нет, не ругались, просто расстались, наверное, пришёл конец отношениям... Когда мы приезжали в Питер — уже были врозь.

— И почему она приехала?

— Хотела город посмотреть, мы хорошо общались, почему нет?

— Действительно... почему нет? — Татьяна засмеялась, её саму удивил допрос с пристрастием, который она устроила фон Хер Шувалову. — Так ты был влюблён или любил, как правильной сказать?

— Знаешь, Таня, был, — как-то быстро ответил Лёня, — как-то забылось, но в последнее время я часто это вспоминаю и... горько так, что упустил её, — в голосе Шувалова действительно послышались нотки грусти, даже какой-то печали, что немало удивило Татьяну.

— Кто она, расскажешь?

— Кхм...

— Да ладно, Лёнь, мы почти родные люди, расскажи, ты-то мою эпик-лав знаешь, — вздохнула.

— Давно это было, ещё в Питере, я тогда на скорой работал.

— Оу, ночь перестаёт быть томной.

— Похоже, — Лёня провёл руками по лицу, по волосам, потряс головой и продолжил. — Пришла к нам девочка... девушка, на вид — сущий ребёнок, такая, знаешь, на ангела похожа. Или куколку.

Ложкина напряглась, посмотрела с подозрением на Шувалова, но промолчала.

— Продолжать?

— Да.

— В общем, она пришла, и никто не хотел её брать к себе, куда такого ребёнка? А она везде нос свой суёт, интересуется, ум живой, всё на лету схватывает, вот как родилась скоропошником, но наивная, Тань, она же дитё была, куда её родители смотрели, когда в эту клоаку устраивали?

Ложкина промолчала, она помнила те времена, когда никто не хотел брать её в бригаду, все находили причину отказаться от новенькой.

— И знаешь, влюбился я в неё, сильно, земли не чуял под ногами, так влюбился, весь бы мир к её ногам... «дом хрустальный на горе — для неё», а у неё глазки тускнеют, ей работать охота, а все нос воротят... какой врач из пигалицы? Только лишние проблемы бригаде. Ну, и взял я её к себе. Она на лету всё схватывала, буйных уговаривала, даже материлась пару раз, а уж какой успех имела у бабулек с дедками... И ты же знаешь неписанное правило — не спать с тем, с кем непосредственно работаешь. Я думал, вот подучу её, передам в другую бригаду и приударю за ней. Оpozдал. Увлёклась она коллегой нашим, сильно увлеклась, не на шутку. А мне он не нравился, вот, знаешь, интуитивно так... всё подвоха от него ждал, а с другой стороны — понимал, что это ревность во мне говорит. Нормальный мужик, вкальвает, в квартиру вписался, к свадьбе вроде готовится, только проскакивало в нём дерьмецо, прости за слово, любил он поделиться в приватной беседе

интимными подробностями, о чём нормальные люди молчат и напоказ не выставляют.

— Угу, — Ложкина уставилась на покрывало, разглядывая там рисунок.

— Я, Тань, виноват перед тобой, — вдруг сказал Шувалов, и Ложкина в онемении уставилась на мужчину рядом. Это был всё тот же фон Хер Шувалов, с тем же немногоснисходительным и даже величественным выражением лица, но взгляд был другой, непривычный Татьяне, может, виноватый.

— Виноват, когда он про фотографии в интернете сказал, я не поверил, эта девочка с ангельской внешностью и какой-то эксгибиционизм глупый, никчёмный, пошловатый даже. Какое-то болезненное проявление не менее болезненных наклонностей. Но он мне показал фото, и ещё кой-кому.

Ложкина ахнула, вспыхнула, стиснула зубы и решила дослушать.

— В общем, когда я узнал, что он без твоего ведома так забавляется, да ещё и хвастает этим, пригрозил ему, что если он тебя не оставит — конец его карьере, фельдшером в коровник не возьмут. Ты, может, помнишь, дядька у меня в высоких медицинских кругах тогда в Питере был, он меня потом в Москву и продвинул. Бросить я потребовал немедленно, ты не думай, он сопротивлялся, мы даже подрались в лучших традициях эпиклава, как ты говоришь, но в итоге сдался. Один звонок на подстанцию решил всё... Я действительно думал, что спасаю тебя, сам себе таким благородным виделся, рыцарем без страха и упрёка. Даже думал, начну ухаживать за тобой, а потом увидел тебя, когда свадьба отменилась, сколько дней прошло? Один, два, ты на смену вышла? Танечка, такое лицо у тебя было... но, как ты держалась, какой собранной была, маленький ангел из стали или камня, ведь улыбаться заставила себя, других успокаивать... а потом ушла домой в шесть утра, в изморось. Я всё ждал, пройдёт у тебя, но не проходило, и я не выдержал, уехал, дядька хорошо помог, я шоколадно устроился, сама видела, сначала учёба, новая работа, сама знаешь, какой это мандраж. Потом стал приезжать изредка, сначала боялся тебя увидеть, стыдно было и перед собой, и перед тобой, а потом как-то забылось, как стёрлось из памяти. И я привык к тебе новой, забыв, что ты всё та же девочка, я забыл, что ты будешь лечить безродную собачку на свою маленькую зарплату, а сама на следующий месяц выкручиваться, как оплатить две квартплаты, в прошлом месяце не хватило. Забыл, что у тебя хватит и терпения, и такта для любого человека, если он нуждается в помощи. Забыл, что я люблю тебя...

— Теперь, выходит, вспомнил? — Татьяна недоверчиво посмотрела на Шувалова, ещё не зная, как ей реагировать на его откровения.

Злиться? Удивляться? Не верить?

— Вспомнил. Я люблю тебя, Татьяна.

— Прям Евгений Онегин.

— Надеюсь, я опоздал не настолько.

— Когда вспомнил-то?

— Не знаю, честно, не знаю. В машине, когда ты расплакалась из-за фотографий этих, наверное, или утром, когда ты расхаживала в том, что ты называешь пижамой, когда бежал за тобой, может, тогда... я не знаю, Таня, но прошлой ночью я любил тебя — это чистая правда.

— Как-то всё это... — Татьяна не находила слов.

Она оглянулась вокруг: многие свечи погасил ветер с моря, который становился прохладным. Свечи на столе от ветра разгорались только ярче, в их свечении бокалы

переливались разными цветами, они освещали не только стол, но и немного пространства вокруг, делая пейзаж немного мистическим.

— Я не знаю, что сказать.

— Скажи, что прощаешь меня.

— За Илью? Конечно, прощаю... Ничего хорошего не получилось бы, да и пережила я это уже, просто мучил вопрос «почему», теперь знаю.

— Пока этого достаточно. Ну и жаркого поцелуя ещё.

И Ложкина не стала долго думать, а поцеловала Шувалова. Долго, глубоко, томно и страстно, понимая, когда отрывала губы, что это её целуют. Целуют, поднимают и относят в палатку, где уже был гостеприимно заправленный надувной матрас.

— Ты собираешься пренебречь всеми нормами санпина, — тихо засмеялась Татьяна.

— Обижаешь, — Шувалов открыл небольшую мужскую сумку через плечо, которая была с ним целый день, и куда в аптеке он положил презервативы. Он вытряхнул содержимое на простыню. — Я же не мог просить сына уложить мне такой джентльменский набор, я, естественно, не намерен скрывать наших отношений и моего отношения к тебе, но некоторые вещи предпочитаю оставить исключительно только между нами.

Татьяна посмотрела на «набор» и согласилась.

— Да уж, лучше оставить парня на стадии «трепет первых прикосновений».

— И это всё, кстати, — Лёня показал глазами на раскиданные предметы, — не исключает моего трепета в отношении тебя.

— Так были уже первые прикосновения, — Таня улыбнулась.

— Надеюсь, нас ждёт ещё очень много прикосновений, и разных, но это не значит, что моё сердце не будет трепетать, а душа петь при этом.

— Боже! Шувалов, меня стошнит, правда, убавь обороты, «сердце трепетать», где только нахвтался всей этой бульварной пошлятины...

— Окей, Ложкина, сейчас я собираюсь отыметь тебя во всех возможных позициях и, в завершении, раскрутить на анальный секс, когда мы закончим с оралом, конечно.

— Анал?.. Здесь?

— Не прикидывайся дурочкой, Ложкина, для этого не нужна трёхведёрная клизма, ты знаешь это. И знаешь, меня чертовски заводит тот факт, что ты это знаешь.

— Тоже любитель болезненных проявлений? — поддела Ложкина.

— Да, но мы оставим это между нами двумя.

И они оставили, как и многое другое, что случилось, и о чём они говорили ночью, утром и целый день, который они провели только вдвоём, не опасаясь, что кто-то ворвётся в их импровизированные Сейшелы. Подход к пляжу был перекрыт ярко-жёлтыми лентами с предупреждением об обвале, и только один катер возил отдыхающих на этот пустынный пляж, но, по удивительному стечению обстоятельств, в эти сутки он в заданном направлении не работал.

Отпуск, каким бы длинным ни был, подошёл к концу как-то стремительно и слишком быстро.

Татьяна даже толком не успела привыкнуть к новому статусу «девушки Шувалова», как настал день отъезда, и Лёня укладывал сумки в багажник своего авто.

Анна-Эльза тепло простилась с Таней, украдкой вытирая слёзы и шепнув на ухо: «Я так рада, Танечка, так счастлива, пусть у вас всё будет хорошо». Аксольд был более сдержан в выражении эмоций, но одобрителное похлопывание по плечу сыну сказало о том, что он доволен выбором. Ян и Лиля тоже казались довольными. Поначалу Татьяна опасалась ревности со стороны Яна, но её не последовало, видимо, он воспринимал Леопольда скорее как старшего брата, нежели отца.

Накануне отъезда состоялся праздничный ужин, к приготовлению которого Татьяну, уже по традиции, не допустили, дав «отдохнуть последние часочки перед трудовым годом».

За ужином Леопольд взял слово и поблагодарил всех за гостеприимство, понимание и деликатность. Он пообещал маме чаще звонить, Анна-Эльза хоть и умела пользоваться интернетом, предпочитала старую добрую телефонную связь, и, по возможности, приезжать. И попросил «ещё немного внимания присутствующих».

— Дорогие мои, — начал официально Леопольд Шувалов, — мама, отец, Ян, Лилия, я хочу вам представить Татьяну, — он показал рукой в сторону округлившей глаза Ложкиной, — женщину, которую я люблю, и у которой собираюсь просить руки и сердца, даже заведомо зная, что она мне откажет. Сейчас откажет.

Ложкина молчала, но весь её вид говорил о том, что в состоянии трупа фон Хер Шувалову будет весьма затруднительно просить руки и сердца повторно.

— Я хочу сказать, что намерен добиться полной взаимности этой чудесной женщины и вступить с ней в законный брак, чего бы мне это ни стоило... Итак, Татьяна, ты согласна выйти за меня?

— Нет, — Ложкина была категорична. Она покосилась на Анну-Эльзу и решила сгладить отказ: — Не сейчас.

Одно дело — встречаться с Шуваловым, Ложкина даже допускала мысль съездить в Москву на Новый год, и сам Лёня приедет к ней пару раз, но замуж — нет. Это уже научно-популярная фантастика.

— Как я и говорил, — улыбнулся Лёня и, нагнувшись к губам Тани, легко провёл по ним своими, улыбаясь, даже не обижаясь.

Ложкину сморило, и в какой-то момент она просто выключилась под мерные звуки музыки, где-то сквозь сон она почувствовала, как опускается спинка сидения, и кто-то укрывает её большим махровым полотенцем, больше для ощущения уюта. Впрочем, никакого «кто-то». Это был Лёня, даже во сне Ложкина безошибочно могла это почувствовать, и не потому, что в машине больше не было никого, а потому что Лёня делал это каким-то своим, особенным способом, таким, что сразу становилось уютно.

Проснувшись от сигналов машин, смены шумового поля, оглядевшись, поняла, что они уже на подъезде к МКАДу. Стоят. Плотно и, похоже, уже долго. Беглый взгляд на часы подсказал, что планам заехать к Лёне перед «Сапсаном» сбыться не суждено.

— Давно стоим?



— Давненько, — Лёня потянулся и нагнулся чмокнуть Таню, — я там кофе взял на заправке, наверное, ещё не остыл, и пара булочек.

— Спасибо, — Таня взяла в руки стаканчик, — а ты?

— Я уже перекусил, спасибо. Похоже, мы не успеем заехать ко мне...

— Похоже.

— Успеть бы на поезд, — он показал глазами на навигатор, показывающий красным весь путь до Москвы, город тоже не внушал особого оптимизма, — как бы на метро не пришлось ехать.

— Жаль.

— Жаль, что на метро?

— Жаль, что не успеем к тебе, придётся обойтись без прощального секса.

— Мы не прощаемся.

— А что мы делаем?

— Танюша, не начинай. Между Москвой и Питером каких-то семьсот километров, я буду часто приезжать, ты ко мне, а там тебе надоест, и ты выйдешь за меня замуж.

— Я не стану жить в Москве.

— Ты станешь жить со мной, — Шувалов улыбнулся, как всегда покровительственно, снисходительно, но тепло.

— С тобой — это одна история, а в Москве — другая. Я же сказала, я не перееду в Москву!

— Ты серьёзно, да?

— Абсолютно.

— И что не так с Москвой?

— Всё.

— И сколько раз ты была в Москве? Три? Пять? Из которых четыре — проездом? Как ты можешь так категорично говорить? Да и какая разница, Москва, Питер... не Норильск же.

— В Норильск бы поехала, в Москву нет. Жить, где говорят: «дожжжжжииии!» — Ложкина хлопнула себя по коленкам. — Ужас!

— Ах, простите, я забыл, — Лёня усмехнулся. — Сколько жил в Питере, потом в Москве, столько и не понимаю этой вражды.

— Это не вражда, я просто не буду жить в Москве. И вообще, чем мне заниматься?

В это время появилось странное движение на дороге, машины словно сторонились, отодвигались от обочины, а потом становились на своё место. Вдали появились проблесковые маячки скорой помощи, двух машин.

— Похоже, причина пробки — авария, — прошептала Ложкина и проводила взглядом автомобиля.

— Действительно, чем тебе заниматься в Москве... Таня, я не собираюсь держать тебя взаперти, как султан. Поверь мне, здесь такие же люди, они так же с завидной регулярностью обвариваются кипятком, у них поднимается температуру, они травятся и ломают конечности, и уж точно всегда найдётся пара-другая бабушек, которые забудут, а принимали ли они свои лекарства, и примут ещё разок.

— Работать на скорой?

— Угу, я бы хотел что-то другое для тебя, но ты же меня не спросишь, — Шувалов улыбнулся так, словно ему нравился этот факт.

— И не подумаю, — подтвердила Ложкина не без удовольствия.

— Значит, долгими зимними вечерами подумаешь над этим, хотя, конечно, я надеюсь, что ты дашь согласие раньше.

— Какой же ты самоуверенный, Шувалов, — фыркнула.

— Я в тебе уверен, Танечка, а не в себе.

Запахавшись, Ложкина поставила переноску с Алькой на сиденье у окна, своё место в скоростном «Сапсане», который буквально через несколько часов вернёт её не только в родной город повышенной влажности, но и в другую реальность — свою. Лёня устроил её вещи, и, быстро обернувшись на недовольную проводницу, которая пропустила провожающего в последние минуты перед отправлением только благодаря врождённому дару убеждения Шувалова и конечно, улыбке, которая всегда действовала безотказно на женщин любого возраста и вероисповедания, обнял Ложкину и поцеловал — нежно, легко, потом чмокнул в нос и, улыбнувшись, прошептал.

— Сообщи, как доберёшься, и как только узнаешь свой график, тут же сообщи, будем выкраивать время.

— Хорошо, — Ложкина кивнула головой, ей не хотелось спорить, ей было необходимо что-то сказать, что-то важное, сказать немедленно, но весь словарный запас Ложкиной испарился, она только и могла, что вздыхать и даже всхлипывать, борясь со слезами.

Когда Лёня уже вышел из вагона и подошёл к окну, Ложкина вдруг поняла, что должна была сказать. Глядя на Шувалова в лёгких льняных брюках, футболке поло, с очками «Рей Бан» на вороте — моветон надевать очки на голову, как ободок, плюс от этого они растягиваются, объяснял Лёня, и если нет чехла под рукой, предпочтительней такой способ, — Татьяна издала невнятный писк и побежала в сторону ещё открытых дверей, столкнувшись с недовольной проводницей.

— Девушка, отправление через пять минут, — она попыталась перекрыть ей дверь.

— Мне срочно, — парировала Ложкина и отодвинула руку миловидной проводницы, та фыркнула, но отошла в сторону.

Ложкина вывалилась из вагона напрямик на немного удивлённого Шувалова, который уже целовывал слезинки на щеках Тани и уговаривал её проявить выдержку.

— Я должна была сказать сейчас, — всхлипывая, пролепетала Ложкина, — я люблю тебя фрайхер фон Шувалов, люблю.

— Ты моя хорошая, — Лёня просиял, и Татьяна подумала, что никогда ещё не видела такого Шувалова, сейчас в нём отчётливо был виден восторженный мальчик-подросток, каким иногда бывал Яков. — Я тоже люблю тебя, люблю-люблю-люблю, а теперь — в вагон, — он подтолкнул Ложкину в вагон, подождал, когда автоматические двери закроются, и поезд плавно тронется, увозя Таню.

Город встретил Ложкину, конечно же, мелким дождём и серым небом, которые сменялись периодами невыносимой жары, невыносимой по Питерским меркам.

Первые дни Татьяна чувствовала себя потерянной, даже несчастной, но, после выхода на работу, всё встало на свои места. И она бы решила, что всё ей приснилось, если бы не шикарный загар, покрывающий её тело, и ежедневные звонки и переписка с Лёней.

До Нового года он приезжал четыре раза, один раз буквально на пять часов, которые они провели в постели. Лёня, в первый приезд, мужественно ел пельмени из магазина и жареную колбасу, но утром Татьяна проснулась от запаха еды. Настоящей.

Лёня, ведущий непринуждённую беседу с Алькой, а та была рада поддакивать и

согласно вилить хвостом за маленькие кусочки со стола, стоял у плиты и готовил.

— Я там купил кое-что, не возражаешь?

Ложкина посмотрела на стол и подумала, что она, естественно, не возражает... но что это?

— Смотри, это оливковое масло рафинированное — для жарки, это — нерафинированное — для салата, их два вида взял, на вкус выберешь, рисовое масло, виноградное, рапсовое... Заправка и соус Гримелли, — и Лёня продолжал перечислять малозначащие для неё названия, а Ложкина даже попыталась запомнить то, что говорил Лёня, но тщетно.

— Лёнь, я ведь всем этим, — она обвела рукой кухонный стол, — не буду пользоваться.

— Я буду, — улыбнулся, — буду приезжать и кормить тебя здоровой пищей, приготовленной по здоровым рецептам, к тому же каждый продукт имеет свой особенный вкус, и всё это, — он обвёл рукой, — помогает раскрыть именно этот вкус.

— Ну, если ты для себя, — она сонно улыбнулась и села за стол, перебирая руками баночки со специями и фрукты с экзотическими овощами. Она бы даже разозлилась на Шувалова, назвала его напыщенным фон Хером или поругалась с ним, но ночь была настолько сладкой, томной, даже волшебной, что у Татьяны не было желания ёрничать — мужчина, которого она любила всем сердцем, считает необходимым атрибутом все эти «прибамбасы» — значит, пусть они будут... Пусть приезжает и готовит на её кухне, используя только натуральные ингредиенты, только проверенных производителей, пусть считает, что между рисовым маслом и виноградным есть разница — пока он целует её так, что у Ложкиной на доли секунды случается асистолия...

— К тому же, я надеюсь, что когда у нас будут дети... — вдруг услышала Шувалова, и в удивлении уставилась на него.

Дети? Они ведь говорили о масле? О соусах... о мангустине, кажется... дети?

— Какие дети, Шувалов? — нахмурилась Ложкина, — у тебя ещё есть дети?

— У меня один ребёнок, Тань, и ты его знаешь — Яков, я про наших будущих детей.

— Каких это детей?

— Которые у нас будут.

— Ну, не знаааааю, — растерянно пролепетала Татьяна.

— Тань, когда люди собираются вступить в законный брак, а мы ведь это и собираемся сделать, правильно?

— Правильно, — согласилась, не без труда, Ложкина.

— Они, как правило, планируют детей.

— То есть, ты планируешь детей?

— А ты нет? У тебя проблемы? — Шувалов озадаченно посмотрел на Татьяну. — Я просто хочу, чтобы ты знала, что если с этим могут возникнуть проблемы, я готов рассмотреть любые варианты.

— Нет у меня проблем, — перебила Татьяна, — вообще-то, я не знаю, — она моргнула, — я никогда не беременела, но я всегда очень тщательно предохранялась, очень. К тому же, обязательно посещаю врача, ты же знаешь...

— Отлично, значит, ты не попадаешь в те пять процентов, которые беременеют вопреки всему.

— Но я как-то не планировала детей. Вообще. Я и замуж-то, как-то... Ты пойми правильно, я люблю тебя, сильно люблю, может, я даже жить без тебя не могу, я скучаю по

тебе каждый день, иногда плачу, сильно, потом перед собой стыдно. И поминутно проверяю телефон, вдруг ты прислал сообщение, а я не услышала. Надо мной уже смеются... мне даже завядшие цветы, которые ты дарил, выкинуть — кажется кощунством! Ты представляешь, я те розы, что ты прислал первый раз, засушила. За-су-ши-ла ро-зы! Ещё я всерьёз планирую стащить одну из твоих футболок или рубашек, я веду себя, как влюблённая малолетка, но замуж... дети... мы не торопимся?

— Абсолютно точно не торопимся, просто ты боишься. Ты боишься кому-то поверить, боишься доверить свою жизнь другому человеку, ты панически боишься боли, и ты уверена, именно уверена, что я, да любой другой на моём месте, причинит тебе эту боль. Мне кажется, все боятся.

— И ты?

— Да, конечно. Я никого не пускал так глубоко в свою жизнь и в своё сердце, как тебя. И я обещаю тебе, что никогда умышленно не причиню тебе боли, а если сделаю это не по злему умыслу, случайно — буду заглаживать свою вину, пока у тебя болеть не перестанет.

— Тоже обещаю, — прошептала Ложкина.

Лёня сделал шаг к плите, кухня в квартирке была маленькая, и вернулся к Тане, чтобы поцеловать. И целовать долго и мягко. Потом аккуратно приподнять и посадить на стол, встать между разведённых ног, которыми Татьяна обхватила бёдра Лёни, и ласкать — так же долго, неспешно вкушая медленное пробуждение желания в женщине, поддерживать его и не давать разгореться сильнее, наслаждаясь немного ленивым томлением. Ночь была безумной, страстной, сродни ураганному ветру, сейчас хотелось плавности и даже лености, неторопливости движений и желаний.

И, как итог — яркий, продолжительный, головокружительный оргазм, и бормотание Татьяны куда-то в шею Лёни.

— Я согласна на детей... — довольный вздох.

— Тебе понравился процесс? — тихо смеясь.

— И это тоже, — Ложкина просияла и чмокнула Шувалова. — Иди, готовь, а я пока приберусь.

На Новый Год Ложкина засобиралась к Лёне, сказать, что она скучала — ничего не сказать.

В этот раз она пристроила Альку родителям, которые уже имели возможность познакомиться с Лёней. Они и раньше его знали, видели пару раз, как коллегу по работе дочери, сейчас, в новом качестве, он, конечно же, произвёл наилучшие впечатление.

Отца Татьяны — врача, специализирующегося на восстановлении пациентов после инсульта, — своим профессиональным ростом и темой кандидатской, над которой трудился Шувалов. Маму — обаял улыбкой и своим отношением к Танечке. Он не просто любил, он откровенно обожал Татьяну и не давал себе труда скрывать это. Его руки всё время легко прикасались к ней, глаза следили за передвижением, губы целовали при первой же возможности.

Ложкина села на поезд и уже через несколько часов была в Москве. После зимнего Питера — со слякотью и дождём, — было приятно окунуться в мягкую зиму. Лёня, не заезжая домой, повёз Таню в дом отдыха, сказав, что той это просто необходимо. И даже вознамерился в первую очередь дать выспаться своей девушке, только вот девушка не очень послушала фон Хер Шувалова и, толкнув его в сторону огромной кровати, убедилась в том, что в здании отличная звукопроницаемость — через пару минут после окончания, какой-то

мужик за стенкой крикнул: «Браво» и даже хлопнул пару раз в ладоши со словами «бурные овации». Ложкина поискала в себе стыд и, не найдя, уснула, обнимая двумя руками Шувалова, пригрозив, что если он встанет, она «не знает, что с ним сделает».

Лёня долго смотрел в экран ноутбука, Татьяна решила, что он над чем-то работает, и не давала знать, что уже проснулась и хочет есть.

— Чёрт, — Ложкина, аж подпрыгнула от неожиданности. Шувалов никогда не употреблял крепкие слова, она даже не помнила слово «блин» из его уст, а тут целый «чёрт».

— Лёничка, — она подбежала к мужчине, — что случилось? У тебя что-то болит? Где? — она взяла руку и стала считать пульс, потом заглянула в глаза, покрутила голову, пока Лёня молча улыбался и следил взглядом за действиями Тани. — Что, Лёня?

— Мне нравится, как ты беспокоишься обо мне, Танюша, — он притянул к себе взлохмаченную голову женщины. — Я люблю тебя.

— И я тебя люблю, но ты меня пугаешь.

— Посмотри сюда, я наложил наши графики, до отпуска у нас получится встретиться не больше пяти раз, Тань, — он вздохнул. — Мне не хватает тебя, пять раз — это очень мало... выходи за меня, переезжай ко мне.

— Я же сказала, что не буду жить в Москве!

— Да какая же ты упрямая, Ложкина, какую откровенную глупость ты говоришь...

— Это не глупость, — упорно покачала головой Ложкина.

— Глупость! Я не хочу говорить тебе банальных вещей, но, видимо, придётся. Бывает любовь на расстоянии, люди годами живут вдали друг от друга, но никто по доброй воле не ставит себя в подобное положение. И я не могу понять твою неприязнь к Москве... — Ложкина напряглась, ей показалось, что сейчас Шувалов скажет «всё кончено», и что ей тогда делать? Как примириться с этим? Или не мириться, а соглашаться на всё, даже на переезд в Москву... да, соглашаться — пришла к экстренному выводу Татьяна. В Москву, в тундру... куда угодно.

— Не могу понять, но принимаю, — Лёня взял паузу, и Татьяна вжала плечи, сейчас ей придётся согласиться... вот сейчас, ещё минуточку подождёт... и...

— Лёня, я согласна, — она всхлипнула, а потом горько заплакала. — Я согласна, только не бросай меня, пожалуйста, я перееду к тебе, хоть завтра, даже сегодня, хочешь? Я даже домохозяйкой стану, во всех этих маслах разберусь и соусах, и даже стану говорить «дожжжжиии», — тут Ложкина уже ревела, хотя и понимала, насколько глупо и жалко она смотрится.

Сидя на краю кровати, в короткой футболке и кружевных трусиках, с взлохмаченной головой и, наверняка, с размазанным макияжем — уснув сразу после умопомрачительного секса, Татьяна не озаботилась тем, чтобы смыть его.

— Не собираюсь я тебя бросать, глупая, — Лёня обнял Татьяну, — как же я тебя брошу, если люблю тебя, это ещё более глупо, чем твой отказ переезжать в Москву... я другое хотел предложить. Переезд.

— Куда? — Таня внимательно посмотрела на Шувалова, смотрящего, на удивление, без своего коронного царского величия и снисходительности, а изучающее, следя за реакцией Татьяны.

— Есть два варианта, обещать тебе конкретно один — я не могу, потому что ещё нет никакой определённости, плюс — я хочу всё же защитить кандидатскую... Варианты такие, работа в Сингапуре и работа в Осло. И там, и там — неплохие условия, скажу сразу, с

Сингапуром всё сложнее и дольше, но этот вариант предпочтительней. Осло же ближе к дому... в любом случае — переезд не в Москву. И сначала — официальный брак.

— Я согласна, — быстро сказала Ложкина, — На Сингапур, Осло и тундру, на всякий случай.

— Значит, начинаем планировать свадьбу?

— Значит, начинаем.

Возможно, Ложкина была практична и даже цинична, но свадьбу она хотела. Красивую, стильную, фотосессию и всё, что полагается в таком случае — платье, костюм, бутоньерка в цвет букета невесты.

И, конечно, она всё это получила. Свадебную церемонию в Питере, конечно, во дворце на Английской набережной. Платье дымчатого цвета, который фон Хер Шувалов назвал «Гейнсборо», и Ложкина согласилась с этим названием. Лимузин, который провёз молодых почти по всем «свадебным местам», где Татьяна старательно тёрла носы и крылья, разбивала фужеры и вообще наслаждалась этим днём и получала от него столько удовольствия, сколько могла.

Помимо родителей, немногочисленных родственников, друзей и коллег с двух сторон, на праздник вдруг заявился Илья, и Ложкина решила, что необходимо праздник сделать полным и, улучив момент, ударила прямиком в солнечное сплетение. За всё.

Это было глупо. И приятно. И особенно приятным было то, что подошедший Шувалов предложил подержать ошалевшего Илью и врезать ещё разочек, но Ложкина милостиво отказалась.

Она была счастлива и была намерена оставаться таковой всю свою оставшуюся жизнь, а глядя в глаза фрайхера фон Шувалова — нисколько не сомневалась в этом.

В том, что их Летняя история будет длиться всю жизнь, несмотря на то, что ближайшие пять лет они проведут в столице самой северной европейской страны. Городе Осло.

**Конец.**

Больше книг на сайте - [Knigolub.net](http://Knigolub.net)